Куда приводят грехи

Автор:
Алекс Д

Куда приводят грехи

Алекс Д

Трагедия одного воскресного утра, запускает цепочку мистических событий в жизни обычного московского предпринимателя Кирилла Чернова. При странных обстоятельствах погибает его близкий друг, и на месте происшествия главный герой случайно находит древнюю золотую монету. Позже Чернов выясняет, что его брат приобрел коллекцию из семи римских динариев, которая загадочно исчезла, так и не попав в руки покупателя.

В это же время в жизнь главного героя возвращается Вероника Божич, с которой в прошлом его связывала некрасивая история. И, возможно, ее появление вовсе не так случайно…

В книге присутствует нецензурная брань!

Алекс Д

Куда приводят грехи

«Время придумано Сатаной, а вечность принадлежит Богу».

Сергей Бодров.

Пролог

Юг Франции, средние века.

Запинаясь за собственные сутаны и придерживаясь руками за склизкие стены узкого коридора, епископ Поль Фортье и священник Эмиль Бастьен едва поспевали за размашистыми, быстрыми шагами Андре Лафонтена. Подземелье монастыря с извилистыми ходами, вдоль которых располагались крошечные каменные клетушки для ожидающих суда либо казни узников, производило гнетущее впечатление на любого, кто оказывался здесь. Факелы горели не все, из-за постоянных сквозняков и сырости в мрачных коридорах стоял лютый холод, под ногами копошились голодные крысы, по покрытым плесенью стенам сочилась влага. Запыхавшись, тучный епископ Фортье замешкался, споткнувшись о каменный выступ, остановился, чтобы отдышаться, настороженно взглянул на преподобного Бастьена. Тот ответил ему коротким кивком и поджал тонкие губы. Передохнув пару секунд, епископ и святой отец поспешили догнать удаляющегося инквизитора, скрытого с головы до ног длинной широкой черной сутаной, мрачно развевающейся за его спиной. Опустив просторный капюшон на лицо, Андре Лафонтен стремительно передвигался по подземельным ходам монастыря, словно знал его, как свои пять пальцев, хотя прибыл сюда впервые. Широкие плечи, высокий рост и решительность инквизитора Лафонтена, с которой он перемещался в незнакомом месте, внушали Фортье и Бастьену тревогу и неуверенность. Лафонтен резко свернул вправо и все трое оказались на лестнице, покрытой склизким илом. Резкий порыв ветра задул факел в руке епископа и тот осенил себя крестом, пробормотав под нос молитву. Бастьен последовал его примеру, а инквизитор даже не обернулся. Его факел горел ярко, не колеблясь от дуновения сквозняков.

Епископ и преподобный снова встретились взглядами и, вздохнув, продолжили путь. В трусливых сердцах обоих появилась безотчётная тревога и неясное подозрение, что на свою беду они вызвали из Тулузы инквизитора Андре Лафонтена, чтобы тот одобрил совершение казни над осужденной светским судом Валери Мартель.

Епископ отправил прошение две недели назад и не ожидал, что Святая палата пришлет для изучения дела приговорённой ведьмы, молодого, немногословного инквизитора с гладковыбритым лицом и суровым взглядом. Епископ

почувствовал неладное, как только Лафонтен въехал в город верхом на чёрном, породистом жеребце. Голову инквизитора скрывал шлем, поверх черной сутаны сверкали на солнце добротные доспехи, которые выдавали в мужчине жесткого и несговорчивого воина, на поясе опасно поблёскивал кинжал с осыпанной драгоценными камнями рукояткой. Фортье не сомневался, оружие Лафонтен носил не только для устрашения или хвастовства, и едва перекинувшись с важным гостем парой фраз, понял, сотрудничать с инквизитором будет очень непросто.

Смущало также то, что Лафонтен прибыл один, без писаря и других помощников. Епископ решил, что дело затянется и немного приуныл, но инквизитор оказался не из тех, кто тратит время впустую. Он отказался от отдыха и трапезы с местными духовниками, пробыл в отведенных ему покоях не более нескольких минут, ушедших на то, чтобы снять доспехи и тяжелое облачение, а затем ополоснуть лицо. После, потребовал сопроводить его в главный зал, где тщательно изучил дело, ради которого его вызвали в крошечный городок в южной Франции. Само название Андре услышал впервые, получив распоряжение от старшего инквизитора Святой палаты в Тулузе. На сосредоточенном лице с резкими чертами не отражалось ни одной эмоции, что могла бы выдать его мнение или мысли о прочитанном. Он сурово сдвигал брови, пробегая взглядом по страницам, иногда напряженно сжимал челюсть, из-за чего на широких скулах бугрились желваки, высокий воротник натягивался на мощной шее.

Затем Лафонтен вызвал на повторный допрос ключевых свидетелей, на показаниях которых строилось обвинение против осужденной Мартель. Их оказалось немного. Пять человек: жена священника Лаура Бастьен, ее служанка Жанна, две местные доярки Ивет и Полин Габен, являющиеся матерью и дочерью, и портниха Нинон Ларуш. Перепуганные женщины, которых привели к инквизитору под конвоем, повторили слово в слово то, что он уже успел прочесть. На вопросы Лафонтена отвечали сбивчиво, постоянно поглядывая на помрачневших Фортье и Бастьена. Ивет и Полин Габен заявили, что Валери Мартель неоднократно травила коров, когда те паслись на пастбище. Она якобы давала животным какие-то травы и те на утро испускали дух. Лаура Бастьен обвинила Валери в том, что та напоила ее дочь отваром и девочка вскоре скончалась от чахотки. Служанка подтвердила, что сама видела, как Валери подошла к девочке на улице и дала ей глотнуть из небольшой бутылки с мутной жидкостью. Примерно то же самое рассказала портниха Ларуш про своего мужа, который скончался от внезапной болезни после употребления снадобья, приготовленного Валери Мартель. И все пятеро в один голос утверждали, что

видели девушку возле озера ночью, где она обнаженной кружилась с чертями. Закончив допрос, инквизитор изъявил желание лично переговорить с обвиняемой.

И вот, спустя короткий период времени и пару сотен шагов, (инквизитор пересёк расстояние со скоростью, на которую была способна только молодость), они оказались в десяти шагах от кельи, где держали осужденную. Фортье и Бастьен едва дышали, задыхаясь от спертого тяжелого запаха крови и пота, усиливающегося с каждым новым шагом. Из глухих дверей других темниц, закрытых на тяжёлые засовы, раздавались отчаянные стоны и вопли узников, умоляющих о пощаде.

– Это здесь, – выдохнул святой отец, прижимая широкий рукав своей сутаны к носу и неприязненно морщась. Он остановился у двери последней кельи, располагающейся на большом расстоянии от остальных. – Вот же тварь, – рявкнул Бастьен и пригнулся, когда над его головой с криком юркнула летучая мышь, задев своими мерзкими крыльями. Его факел снова потух и священник испустил хриплый возглас, осенив себя крестом.

– Это сквозняк, преподобный, – ухмыльнулся инквизитор, смерив Бастьена снисходительным взглядом. – Если ведьма настолько сильна, чтобы задувать наши факелы сквозь стены и двери, то, что может удерживать ее внутри? – иронично выгнув бровь, спросил он у побледневшего священника. – Ваша жена рассказала жуткие вещи о Валери Мартель, но нам ли не знать, каким богатым порой может быть женское воображение. Не поддавайтесь страхам, святой отец, именно через него Дьявол овладевает нашими душами.

– Вы скоро все увидите собственными глазами, – мрачно предрек епископ Фортье.

– Несомненно, ваше преосвященство, – уверенно кивнул Андре. – Дождитесь меня здесь. Можете помолиться, чтобы ведьма не украла мою душу, – насмешливо усмехнулся инквизитор, передав свой факел Фортье.

– Не волнуйтесь, девушка прикована к стене и не сможет причинить вам зла, – епископ не скрывал своего облегчения, услышав, что ему не придётся присутствовать на допросе. Лафонтен пренебрежительно фыркнул.

– Цепи не могут остановить зло, разве вы не знали, ваше преосвященство? – скептически произнес Андре. Суеверность священнослужителей в небольших городах и селах вызывала у Андре Лафонтена стойкое неприятие. Он был уверен, что теряет время и ведьма, ради которой его вызвали в эту дыру, не более чем еще одна попавшая в немилость местных женщин девица, развлекающая чужих мужей. За годы своей службы Лафонтен вынес немало обвинительных приговоров, сжёг и повесил десятки мужчин и женщин. Среди них были предатели веры, еретики и отступники, но он ни разу не видел настоящую ведьму или черного колдуна, хотя приговоры, что он выносил, говорили иное. Если человек отвернулся от церкви и Бога, то какая по сути разница, за что именно его казнят?

Открыв засов, инквизитор со скрежетом двинул плечом тяжелую дверь. Скрипнули несмазанные петли, тьма, просочившаяся из кельи зловещей тишиной, ударила в нос едким запахом отчаяния, немытого тела и человеческих испражнений. Внутри что-то тревожно дрогнуло, прошло по затылку и позвоночнику ледяным дыханием. Нахмурившись, Андре забрал свой факел у Фортье, одернул на лицо слетевший от порыва ветра черный капюшон и шагнул в темное, зловонное помещение. Дверь за ним закрылась с глухим звуком, заставив инквизитора непроизвольно вздрогнуть.

Подняв факел чуть выше, он расправил плечи и тут же пригнул голову, ударившись о низкий, покрытый плесенью потолок. Тусклый свет напугал копошащихся вокруг железной миски крыс, бросившихся с писком в рассыпную. Вонь ударила в ноздри, вызвав рвотный позыв и, стараясь дышать как можно реже, Лафонтен прошел в центр крошечной кельи. Вставив факел в специальное углубление в стене, инквизитор неторопливо огляделся. За время своей службы он немало повидал темниц, где узники содержались в диких условиях и научился перебарывать внутреннее отвращение и неприятие вида загаженных камер, изможденных и грязных тел. Покрытые слизью стены, промозглый холод, капающая с потолка вода, посматривающие на незваного гостя черными бусинами глаз тощие крысы. Омерзительный запах исходил от неглубокого отверстия в полу, куда, по всей видимости, несколько недель подряд справляла нужду приговоренная к казни Валери Мартель. Сама она неподвижно сидела на грязной соломе, забившись в дальний угол.

Неровный свет от факела позволял рассмотреть только тёмную крошечную фигуру в рваной, покрытой бурыми пятнами рубахе, задравшейся на бледных, худых бедрах. Отвернутое к стене лицо скрывали черные длинные волосы,

превратившиеся в колтуны. Тонкие кровоточащие запястья и щиколотки девушки были закованы в тяжелые цепи. Она не шевелилась. Лафонтен не слышал ее дыхания, ему показалось, что девушка умерла, не дождавшись казни. Подобное случалось часто. Немногие выдерживали допросы и пытки, устраиваемые местными представителями власти. Его взгляд задержался на босых ступнях узницы, напоминающих кровавое месиво. Раздавленные щипцами ногти, воспалённая от пыток раскалёнными углями кожа, распухшие суставы, свидетельствующие о том, что девушку растягивали на дыбе.

Инквизитор посмотрел на руки, сложенные на коленях и впервые за годы служения в Святой палате в невольном смущении отвел взгляд. Некоторые пальцы девушки были вывернуты в обратную строну, ногтевые пластины отсутствовали, кожа под железными браслетами почернела и начала гнить. Инквизитор выдохнул, и из его губ вырвалось облако пара. В темнице стоял жуткий холод и он ощущал его даже через плотную сутану. Неудивительно, если девушка умерла. В подобных условиях выжить невозможно. Несмотря на молодой возраст Лафонтен повидал немало на своем веку. Он лично участвовал в пытках и никогда не испытывал сочувствия, сострадания или жалости. Когда речь шла о верности Святой инквизиции, человечность в нем отключалась. Андре вырос в монастыре в Тулузе и с юных лет был всецело предан церкви и Богу, не позволяя сомнениям проникнуть сквозь стальную броню безжалостного защитника веры и непоколебимого вершителя наказаний для отступников и еретиков.

Инквизитор сделал еще один шаг по направлению к осуждённой «ведьме», подошвы его сапог заскрипели. Он присел на корточки напротив неподвижной Валери Мартель. Ознакомившись с делом, Лафонтен знал, что Валери всего восемнадцать лет. Ее мать умерла, когда девушке было шестнадцать, оставив дочь круглой сиротой. Валери жила одна в маленькой лачуге на окраине небольшой местной деревушки и, согласно показаниям свидетелей, занималась колдовством, никогда не посещала службы в церкви и вела распутный образ жизни, вступая в сношения с разными сатанинскими отродьями в ночи полнолуния. Все пять свидетельниц заявили, что видели, как на залитой лунным светом поляне обнаженная Валери танцевала с чертями возле озера. После подобных плясок на город обрушивались несчастья, умирал скот, болели дети и старики, скисало только надоенное молоко, в озере находили утопленников, а на его берегу – лодки с пробитым днищем.

Нечто подобное Лафонтен выслушивал в каждом третьем случае, связанном с обвинениями в колдовстве, но сам лично не верил в россказни суеверных глупых баб. Но то, что девушка не посещала церковь и сторонилась священнослужителей, говорит не в ее пользу. Также известно, что мать не крестила дочь, а это уже попахивает ересью. Отшельники, ведущие затворнический образ жизни, всегда вызывают массу пересудов, особенно если это девушка. Совсем юная, беззащитная, одинокая девушка, являющаяся легкой добычей для любого мужчины, проходящего мимо хижины. Что если причина ненависти женщин скрывается именно в этом факте? Среди доносчиц оказалась Лаура Фортье – жена священника, инициировавшего расследование. Неужели преподобный Фортье тоже не смог удержаться от соблазна? В таком случае Валери Мартель действительно опасна и является угрозой для духовной чистоты прихожан этого города. Распутная девушка – источник зла, сосуд греховности и нечистот, которые оставляют в ней многочисленные любовники. Пристальный взгляд Лафонтена снова прошёлся по бледным бедрам девушки, покрытым цветными синяками. В душу закралась неприятная догадка, но он тут же отогнал её прочь. Однако рваная одежда и грязное одеяло, брошенное поверх соломы, вновь наводили, внимательного к деталям инквизитора, на определенные мысли.

– Валери Мартель, – строго произнес инквизитор звучным, глубоким голосом, зловещим эхом разлетевшимся по крошечной темнице. Девушка дёрнулась, звякнув железными цепями, шумно вздохнула, застонав от боли. Подтянула колени ближе к себе, неуклюже накрывая их обрывками рубашки. Сломанные пальцы не слушались, кровь засочилась из поврежденных запястий. Судорожно дыша, девушка плотнее вжалась спиной в ледяную стену и затихла.

Без всякой на то причины Лафонтен оцепенел. Монотонный звук воды, капающей в другом углу, усилил ощущение неестественной тишины, которая повисла между инквизитором и узницей. Ее страх и ужас были осязаемы, но он по-прежнему не видел ее лица, скрытого под спутанными волосами. Его поразило другое…Он не мог поверить и сначала решил, что у него разыгрались обонятельные галлюцинации, но, когда девушка снова тряхнула головой, накрывая черными локонами обнажившиеся в дырявой рубахе худые плечи, Лафонтен снова это почувствовал. От Валери Мартель исходило не зловоние грязного, измученного, покрытого гниющими ранами тела, а тонкий чистый аромат жасмина, проникающий в ноздри Андре и вытесняющий запахи выгребной ямы. Мужчина озадаченно сдвинул брови, впервые столкнувшись с подобным феноменом. Потребность увидеть ее лицо вычеркнула все имеющиеся в голове вопросы, которые он собирался задать. Вскочив на ноги, он в два шага

пересёк расстояние до стены, где оставил факел и, выхватив его, вернулся к узнице. Снова присел перед ней на корточки, освещая сжавшуюся фигурку.

– Пожалуйста, не надо. Умоляю вас… – проговорила она едва слышно, в защитном жесте приподнимая скованные руки с переломанными пальцами. Ее отчаянный нежный голосок, как колокольный звон отозвался в висках Лафонтена, усиливая бег крови по венам, сердце забилось быстрее, дыхание перехватило от необъяснимого волнения. Он не верил собственным ощущениям. Что за наваждение?

– Не бойся меня, дитя. Я пришел выслушать тебя и облегчить твою душу от бремени грехов, – севшим голосом произнес инквизитор. Мужская рука, сжимающая факел, дрогнула, по спине вновь прошелся холодок. Девушка мелко задрожала, как в ознобе, и дурманящий цветочный аромат снова окружил потрясённого инквизитора. – Я не причиню тебе зла. Я здесь, чтобы разобраться в том, в чем тебя обвиняют, – изложил он более уверенным тоном.

Валери судорожно вздохнула и неуверенно опустила на колени искалеченные под пытками руки.

– Я уже все рассказала, святой отец, – отозвалась она тихим мелодичным голосом, в котором прозвучали нотки обреченности. Она приняла его за священника. Что ж, может это и к лучшему. Лафонтен проглотил образовавшийся ком в горле и почувствовал себя увереннее, вспомнив, что перед ним всего лишь слабая измученная девушка.

– Посмотри на меня, дитя, – попросил Андре, смягчая интонации властного голоса, чтобы ненароком не отпугнуть узницу.

Она снова испуганно затряслась и звон цепей разрезал гнетущую тишину. Очень медленно, словно через силу, девушка подняла голову. Спутанные волосы разошлись в стороны, открывая удивительной красоты бледное лицо. Лафонтен изумленно замер, разглядывая правильные изящные черты, пытаясь припомнить, видел ли он когда-нибудь подобное совершенство. Бархатистая фарфоровая кожа девушки словно излучала сияние, мерцая изнутри, и вызывая непреодолимое желание прикоснуться и проверить, насколько реально то, что видят его глаза. Хотелось одновременно отвести взгляд в сторону и смотреть бесконечно на ее темные изогнутые брови, тревожно сдвинутые на переносице,

густые опущенные ресницы бесконечной длины, маленький, аккуратный нос идеальной формы, высокие благородные скулы и полные розовые губы, похожие на лепестки роз. Лафонтен повидал много красивых титулованных дам, наряженных в шелка, парчу и бархат, но эта девушка, облачённая в лохмотья, была в разы прекраснее любой из них. «Неужели это и есть твое главное преступление?», пронеслось в голове инквизитора. Невероятная красота и непреодолимый соблазн, который она представляла для любого, обращающего взор на лицо Валери Мартель. «Какие дикие люди», подумал он, ощущая, как с каждой минутой в его сердце усиливалась злость на мучителей несчастной Валери. Его взгляд опустился на ее голые ноги, покрытые язвами, ранами и синяками. Они не тронули лицо, не посмели осквернить то, что вызвало их похоть и желание сорвать, заковать и уничтожить прекрасный цветок.

– Ты знаешь, в чем тебя обвиняют, дитя? – его голос охрип и угас, потому что в этот момент девушка открыла глаза. Темные ресницы распахнулись, касаясь кончиками век. Факел в руке инквизитора снова дрогнул, пламя колыхнулось, словно от порыва ветра. Инквизитор невольно отпрянул, изумлённо глядя на Валери Мартель. Отблески неровно пляшущего пламени мелькнули в разноцветных глазах девушки. Один прозрачно-голубой, как безмятежная гладь горного озера, второй – ярко-зеленый, как свежая весенняя листва. В глубине черных широких зрачков на него смотрело собственное отражение, охваченное суеверным ужасом. Внутренности Лафонтена скрутило болезненное напряжение. Ему захотелось отвернуться, сбежать отсюда и забыть, что он когда-либо заходил в эту проклятую келью.

– Обвинений слишком много, святой отец, – произнесла она, глядя в глаза оторопевшему Лафонтену. Его сердце бешено колотилось в груди, жар разливался по телу. Смотреть на нее было невыносимо, но и отвернуться мешала какая-то нечеловеческая сила. – Я уже говорила на суде и тем, кто приходил до вас, что не виновна, – продолжила она ровным голосом. В черных зрачках полыхнул огонь, и инквизитор готов был поклясться в том, что это не было отражением горящего факела. – Мне не поверили. Они истязали меня и делали то, что запрещает ваша вера и ваш сан. Они хотят убить меня, чтобы скрыть свои преступления, а не наказать за мои.

– Веришь ли ты в Бога, Валери Мартель? – хрипло спросил Лафонтен, глядя в обвиняющие, завораживающие глаза девушки. Ее пронизывающий взгляд сковал его волю, а тело лишил подвижности. Он с трудом вспоминал слова и вопросы, которые должен задать.

– Я верю в Бога, милосердного и всевидящего. Он наблюдает за каждым из нас с небес, оценивая наши поступки и деяния, заглядывая в сердца и души. Да, святой отец, я верю в такого Бога, – уверенно промолвила девушка, вздёрнув подбородок.

– Но ты не посещаешь службу и исповедь, Валери, – суровым тоном напомнил инквизитор, глядя на чувственные губы девушки.

– Потому что в людях, которые ведут службу, читают проповеди и исповедуют прихожан, Бога нет, как и в церквях и храмах, что они построили.

– Тебя не крестили, дитя? – прищурившись, полюбопытствовал Лафонтен. Он не первый раз слышал слова, которые только что произнесла Валери Мартель. Язычники и еретики всегда обвиняют духовенство в нечистоплотности и отсутствии веры. Без сомнения, девушка виновна.

– Меня крестила моя мать в водах озера, когда я была младенцем, – ответила она, удерживая его взгляд. Аромат жасмина усилился, вызывая головокружение. Лафонтен судорожно вздохнул, пытаясь сохранить ясность ума.

– Кто твой отец, Валери? – выдавил он, ощущая, как испарина покрывает лоб под широким капюшоном, как намокает от пота рубаха под сутаной.

– У меня нет отца, – качнула головой девушка.

– Разве так бывает, чтобы не было отца? Он умер?

– Я никогда не знала его.

– Твоя мать была гулящей женщиной?

– Нет! – ожесточённо опровергла его слова Валери.

– Значит, она зачала тебя от нечистого? – глядя на нее исподлобья, задал следующий вопрос Лафонтен, внимательно наблюдая за сменой эмоций на прекрасном лице Валери Мартель.

– Вы не верите в колдовство, святой отец, – неожиданно заявила Валери, лишив Андре дара речи. – И в Бога тоже. Вам нравится власть, которой вы обладаете над простыми людьми. Вы не священник и не служитель Господа. Я вижу, что ваши руки по локоть в крови. Вы хуже тех, кто приходил ранее. Если бы я могла поменяться с вами местами, то без сомнения назвала бы вас Дьяволом во плоти, – с опрометчивой смелостью закончила девушка.

– Вы знаете, как выглядит Дьявол, Валери? – яростно сцепив челюсти, спросил Лафонтен, пораженный дерзостью осужденной.

– Я смотрю на него, – спокойно отозвалась бесстрашная узница. – Вы еще можете искупить свои преступления.

– Я? И как же? – насмешливо уточнил Лафонтен. Первоначальное оцепенение и растерянность постепенно отпускали его. Никому не под силу смутить и напугать Андре Лафонтена.

– Ваша сестра, – произнесла Валери, и инквизитор смертельно побледнел. – Вы любите ее. Только ее в этом мире. Больше некого любить. Ваши родители умерли от лихорадки один за другим. Вы прячете свою сестру в монастыре, убедив всех, что она тронулась умом, потому что боитесь, что с ней сделают то же, что и со мной. Вы думаете, она больна, но это не так. Ваша сестра особенная, она видит и чувствует окружающий мир иначе. Это не болезнь и не магия, а дар и предназначение. Божественное предназначение, – Валери на мгновение замолчала и придвинулась ближе. Пронзительные разноцветные глаза узницы оказались напротив непроницаемых, почти черных глаз Лафонтена. – Она рассказывала вам, – уверенно проговорила Валери, обдавая его чистым сладковатым ароматом цветущих полей. – Вы сами вызвались поехать сюда, потому что сомневаетесь…

– Замолчи! – гневно рявкнул Лафонтен, отстраняясь и тяжело дыша от гнева, разрываемого его изнутри.

– Она говорила, что Вы сможете ей помочь, если спасете невинную душу, – продолжила настойчивым тоном Валери. – Если поверите мне….

– Откуда ты узнала об Агнесс? – грозно прорычал Лафонтен, выронив факел. Тот ударился о каменный пол, но, к счастью, не погас. Нависнув над хрупкой

девушкой, инквизитор схватил ее за горло.

– Я вижу Агнесс во снах, – прохрипела Валери, дернув руками, закованными в цепи, сморщилась от боли. Спохватившись, Андре ослабил хватку, но не убрал руку с ее горла. Ощущая, как под пальцами бьется ее пульс, он испытывал странное, незнакомое удовольствие. Ее кожа казалась такой нежной, бархатной, манящей. Приоткрытые губы словно призывали к греху, несмотря на то, что бормотали несусветную чушь. – Мы такие же творения Господа, как и вы. Но способны слышать его, не посещая храмы. Мы черпаем божественную энергию через растения и солнечный свет и с ее помощью помогаем страждущим и больным. Они сами приходят к нам. Лаура Бастьен привела свою больную дочь, чтобы я лечила ее, а Нинон Ларуш – своего мужа. Ко мне обращались многие жители деревни и города и я помогала. Только об этом никто не расскажет. Не всех удавалось спасти. Есть болезни, против которых нет лекарства. Эти люди указали на меня, потому что им необходимо кого-нибудь обвинить в своей потере. Они не думают о других, кому однажды понадобится моя помощь.

– Для помощи больным есть лекари, Валери.

– И многих спасли ваши лекари, святой отец?

– На все воля Господа, дитя.

– Отворачиваясь от нас, запирая в каменных клетках, объявляя вне закона, вы лишаете нас жизненной силы. Мы пришли в этот мир, чтобы помогать вам. Агнесс больна, потому что не может делать то, для чего рождена.

– Моя сестра не ведьма, – покачал головой Лафонтен, поглаживая пальцами шею Валери и вдыхая исходящий от нее дурманящий аромат. Он, как и многие, слышал языческие легенды о лесных нимфах и речных сиренах, живущих в гармонии с природой, вдали от людей. Неужели ему удалось поймать одну из них?

– Ведьм не существует, инквизитор, – ее взгляд настороженно прошелся по его суровому лицу, скрытому черным капюшоном, в надежде, что ей привиделось уже знакомое выражение плотского желания. – И вы точно знаете, что я говорю правду. Вы боитесь того, что не способны объяснить и ломаете то, что не можете получить. Агнесс умрет, если вы не поверите мне.

– Ты угрожаешь? – низким голосом пророкотал Лафонтен. – Мне?

– Я говорю то, что вижу, – в глазах девушки застыл испуг, когда пальцы инквизитора переместились на ее щеку, провели вдоль линии скул едва ощутимым касанием. Наклонившись, мужчина втянул раздувающимися ноздрями запах жасмина, исходящий от нежной кожи. Его дыхание изменилось, губы застыли в миллиметре от ее губ.

– Уходите, прошу вас, – тихо пискнула она. – Вы дали обет безбрачия.

– Я уже его нарушил. Разве ты не видишь этого, ведьма? – насмешливо спросил Лафонтен, обхватывая девушку за талию, прижимая к мощному телу и впиваясь губами в сжатый рот Валери. Раздавшийся металлический звон и сдавленный женский крик неожиданно отрезвили инквизитора. Он резко отпрянул, отпуская ее. Тяжело дыша, Лафонтен изумлённо уставился на нее безумным взглядом.

– Завтра на соборной площади состоится казнь, Валери, – сквозь сжатые губы прохрипел он. – У меня достаточно свидетельств, чтобы подтвердить обвинительный приговор. Тебя может спасти только признание и покаяние.

– Я невиновна, – дрожа всем телом, воскликнула девушка.

– Тогда ты умрешь, – хлёстким тоном ответил инквизитор.

– Я умру, даже если признаюсь! – Валери Мартель опустила ресницы и прислонилась спиной к стене. Склонив голову на грудь, она тихо заплакала.

– Тебе полагается последняя исповедь, дитя, – скользнув взглядом по обнажённым ногам девушки, задумчиво проговорил Андре Лафонтен. Подняв факел, инквизитор встал на ноги. – Тебя подготовят, – сухо бросил он и, не оглядываясь, поспешно покинул темницу, оставив рыдающую узницу в кромешной мгле.

В узком коридоре подземелья его встретили встревоженные Фортье и Бастьен, которые все это время простояли под дверью, тщетно пытаясь подслушать, о чем разговаривали инквизитор с подозреваемой. И сейчас с нетерпением ждали вердикта Андре Лафонтена.

– Валери Мартель виновна, – произнес он властным решительным тоном, переводя взгляд с одного на другого. – Мы казним ее завтра с утра на площади.

– Она призналась? – прочистив горло, взволнованно спросил епископ.

– Нет, ваше преосвященство, – качнул головой инквизитор. – Валери Мартель заявила, что Вы пытали и насиловали ее.

– Пытки необходимы для выясн…, – побагровев, начал Фортье.

– Разумеется, она лжет с целью очернить истинных служителей Господа, – бесцеремонно прервал его Лафонтен. – Считаю ее вину полностью доказанной, учитывая свидетельства пяти человек и показания самой осуждённой. Валери Мартель не отрицает, что считает неприемлемым посещение храмов и испытывает ненависть к священнослужителям. Также она осмелилась угрожать мне и пыталась совратить, используя свою колдовскую силу.

– Мы должны избавить город от ведьмы, – оживленно закивал Бастьен и его двойной подбородок затрясся в такт движениям. На лоснящемся от жира лице появилось выражение удовлетворения.

– Вы должны подготовиться к последней исповеди, которую проведу я, – решительным тоном проговорил Лафонтен. – Возможно, мне удастся выяснить новые подробности ее колдовской деятельности.

– Я могу сделать это, – вызвался Фортье. Андре охладил его пыл ледяным взглядом.

– В этом нет нужды! – отрезал он. – Снимите с Валери Мартель оковы, проводите наверх и распорядитесь, чтобы монахини помыли, обработали раны и накормили ее. Будет справедливо, если свою последнюю ночь она проведет за молитвой в более щадящих условиях.

– А если сбежит? – спросил епископ, изумленно уставившись в бесстрастное лицо инквизитора.

– Я буду молиться с ней до утра и не позволю ведьме подняться с колен, – невозмутимо ответил Лафонтен, в темных глазах мелькнуло мрачное предвкушение. – К тому же, келью легко можно запереть, как изнутри, так и снаружи.

* * *

Утром следующего дня, под возгласы возбуждённой толпы Валери Мартель в деревянной клетке протащили через весь город и доставили на центральную площадь перед готическим собором с высокими сверкающими в лучах солнца шпилями, где должна была совершиться казнь. Девушку коротко остригли и одели в серую длинную рубаху. Запрокинув голову, она сидела на полу своей клетки, сложив на коленях руки с израненными запястьями и изувеченными пальцами. В спину ей упирались крепкие прутья, холодный осенний ветер нещадно бил в лицо. Дети местных жителей поднимали с земли камни и бросали в несчастную, но, к их огорчению, так ни разу и не попали в цель. Камни отлетали от прутьев клетки и падали обратно в пыль. Епископ Фортье и священник Бастьен возглавляли процессию горожан, выкрикивающих призывы сжечь ведьму. Они следовали за повозкой, на которой мерно покачивалась клетка с безучастной к происходящему Валери Мартель. Она словно не слышала ожесточенных кровожадных криков беснующихся людей, в последний раз греясь в остывающих лучах солнца и вдыхая свежий воздух полной грудью.

Инквизитор Андре Лафонтен ехал верхом на своем породистом жеребце сбоку от повозки и его отороченный мехом черный плащ развивался за спиной, подобно черным крыльям самого Дьявола. Мрачный, тяжелый взгляд наездника был прикован к лицу отрешенной узницы, но Валери так ни разу и не взглянула на него. Широко распахнутыми глазами она смотрела на плывущие в небе грязно-серые облака, гонимые ветром; на птиц, что, сбиваясь стайками, с криком взмывали в голубую высь и разлетались в стороны; на колышущиеся кроны деревьев, изредка попадающиеся вдоль дороги; на увядающие цветы и поблёкшие осенние краски, готовящейся к зиме природы. Ее распухшие губы, истерзанные «молитвами» инквизитора беззвучно шевелились, прощаясь с этим прекрасным и жестоким миром, который так безжалостно отверг то, что она могла подарить ему. Валери знала, что ее ждет, но ни одной слезинки не скатилось по бледной щеке, ни тени страха не закралось в чистую, неоскверненную душу девушки. В чем-то Лафонтен оказался прав. На все воля Господа. И если ее время подошло к концу, то она готова принять свою судьбу достойно. Промозглые порывы ветра забирались под тонкую рубаху, но девушка

не дрожала, ей был приятен холод, остужающий раны, нанесенные на ее тело во время последней исповеди. Все скоро закончится. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

Процессия остановилась в центре площади, где на помосте был установлен высокий столб. Сухие ветки и солома лежали горой у его подножия. По периметру площади за ночь выставили деревянные скамьи для многочисленных зевак, жаждущих кровавого зрелища. И теперь они в нетерпении свистели, улюлюкали и топали ногами, требуя скорейшего наказания ведьмы. Для предотвращения самосуда и линчевания осужденной, вокруг помоста выставили стражников, зорко следящих за соблюдением порядка.

Двое монахов в черных сутанах сняли клетку с повозки и поставили на землю. Они удивленно переглянулись, когда взглянувшая на них узница улыбнулась, и тут же в страхе отпрянули, посмотрев в колдовские глаза. Осенив себя крестом, один из них громко выкрикнул:

– Ведьма! Исчадье ада. У нее глаза Дьявола.

– Выведите ее, – заняв свое место за высокой трибуной, громко приказал епископ Фортье. Справа от него с темным лицом стоял преподобный Бастьен, сжимая обеими руками запястье на груди и вслух читая молитвы. Лафонтен спешился с коня и вышел уверенно вперед, хмурым взглядом наблюдая, как двое монахов под руки выводят Валери Мартель из ее последнего пристанища. Внушающие суеверный ужас, глаза Валери равнодушно прошлись по лицам обвинителей. Скользнули дальше, заметив в орущей толпе тех, кто свидетельствовал против нее и снова вернулись к Лафонтену, обдав его леденящим холодом. Расправив широкие плечи, инквизитор хищно прищурился, поджав губы. Складки капюшона скрывали истинное выражение его лица. Алчный взгляд инквизитора опустился на ее скулы и шею, покрытые нанесенными его пальцами отметины. Он знал, что под колышущейся на ветру грубой рубашкой сохранилось много других следов, оставшихся после самой длинной в его жизни «исповеди». Лафонтен не испытывал раскаяния или вины за то, что до самого утра терзал несчастную узницу, не внимая слезам и мольбам. В нем клокотал гнев за то, что она не утолила его жажду, а только разожгла ее. А на подобное не способна ни одна женщина. Только ведьма. Сдвинув брови, коротко кивнул, давая знак монахам отпустить девушку. Оставшись без поддержки грубых рук, Валери пошатнулась, но смогла удержаться на ногах. В ее глазах мелькнула спокойная уверенность и инквизитор явственно ощутил аромат жасмина, который снова

наполнил все пространство вокруг него, пропитал одежду, просочился под кожу. Лафонтен тогда еще не знал, что этот запах будет преследовать до конца его недолгой жизни.

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь, – подняв перед собой распятие и перекрестившись, Лафонтен громовым голосом начал зачитывать приговор. – Мы: инквизитор Андре Лафонтен, епископ Эмиль Фортье и Святой отец Поль Бастьен установили путем расследования и суждений свидетелей, выслушанных в судебном порядке, что ты, Валери Мартель, виновна во вменяемых тебе преступлениях. Ты обвиняешься в отречении от Господа, в ереси и колдовстве. Ты обвиняешься в сговоре с Дьяволом и сношениях с оным. Ты обвиняешься в причинении смерти Себастьяна Ларуш и Марии Бастьен при помощи магических действий. Твоя вина считается нами полностью доказанной. Сознаешься ли ты, Валери Мартель, в содеянном и готова ли отречься от Дьявола во имя спасения своей души?

За спиной девушки возникла огромная фигура палача Бенуара. Местные знали его в лицо. Здоровяк с пустыми глазами, лысым черепом и жутким шрамом, тянущимся от уха до подбородка. Его отец, дед и два брата тоже были палачами и вели вполне зажиточную жизнь, так как работы для них хватало с лихвой. За плечами Бенуа насчитывались десятки жестоких казней, и в народе за ним давно закрепилось прозвище «Бенуар-мясник». Он никогда не брал у приговоренных к казни плату за облегчение страданий, в отличие от других падких на наживу палачей. Ему доставляли удовольствие предсмертные мучения жертв, и он не собирался отказываться от них ни за какое вознаграждение. Беснующаяся толпа зашумела, поднялся крик, стражники с трудом сдерживали одичавших горожан. Инквизитор поднял вверх руку, призывая собравшихся к тишине. Его мрачный, тяжелый взгляд, казалось, заглянул в глаза каждому и он не опустил руки, пока толпа не успокоилась.

– Господа, мы собрались здесь, чтобы совершить благое дело, – снова заговорил инквизитор. – Но чтобы оно свершилось так, как угодно Господу нашему, ведьма должна сознаться и покаяться в своих грехах! – его взгляд остановился на запрокинутом лице девушки, хранящем отрешенное выражение. – Валери Мартель, моли Бога о прощении. Раскайся или ты будешь гореть в аду.

– Я невиновна, – произнесла она, с трудом пошевелив губами. Над площадью повисла гробовая тишина. Все жадно вслушивались в слова ведьмы.

– Суд приговорил тебя к смерти через сожжение, – сжав челюсть, гневно пророкотал голос инквизитора. – Именем Господа, призываю тебя, ведьма, покайся и отрекись от Сатаны или умрешь в муках. Дьявол не защитит тебя. Только Господу под силу облегчить твои страдания.

– На страдания меня обрек не Бог и не Дьявол. Это сделали люди, – отозвалась Валери и ее тихий, мелодичный голос, подобно пению райских птиц пролетел над головами притихших горожан. Валери неожиданно сделала шаг вперед к изменившемуся в лице Андре Лафонтену. Он хотел остановить ее, но не смог пошевелиться. То же самое происходило и с остальными. Двое крепких монахов, которые выводили девушку из клетки, застыли, выпучив глаза, в ужасе открыв немые рты. Даже «Бенуар-мясник» словно оцепенел, не сводя глаз с хрупкой фигурки Валери Мартель. Она сделала еще один шаг в сторону Лафонтена. Резкий порыв ветра скинул капюшон с его головы, и толпа ахнула, увидев молодое, красивое лицо инквизитора с правильными, благородными чертами, что могло бы вызвать восхищение, если бы не жесткая линия губ и безжалостный свирепый взгляд. В черных глазах, обращённых на девушку, полыхало пламя, значение которому знала только она одна.

Валери смотрела на него без страха. Он больше ничего ей не сможет сделать. Время «исповеди» закончилось с рассветом. Ветер снова зашелестел между ними, бросив на сурово насупившийся лоб инквизитора тёмную прядь. Он хотел дернуть головой, но даже такое простое движение оказалось ему не под силу. Валери Мартель на глазах изумлённой толпы неожиданно подняла руку и изуродованными под пытками пальцами убрала прядь волос с лица инквизитора, легко скользнула по щеке, не отводя спокойного, уверенного взгляда от горящих глаз Лафонтена.

– Ты никогда меня не забудешь, инквизитор, – проговорила она тихо и ее голос плотным туманом оседал в его голове, оставляя кровоточащие стигматы на гулко бьющемся сердце. – Сколько бы жизней тебе ни было отведено, ты будешь помнить. И гореть в Священном огне.

– Ты проклинаешь меня, ведьма? – хрипло уточнил инквизитор, с трудом проговаривая каждое слово.

– Ты сам себя проклял, – она покачала головой. Короткие, неровно торчащие волосы не смогли испортить совершенства ее безупречного лица, красота которого причиняла боль и пробуждала животную жажду. Лафонтен яростно

стиснул зубы. Только колдунья способна обладать такой силой. Она заворожила их всех своими ведьмовскими чарами. – Из нас двоих, Дьявол – ты.

– Я слуга Господа, ведьма. И если ты отказываешься от покаяния, то это тебе гореть на Священном ог… – Лафонтен осёкся, когда ее ладонь вдруг опустилась на его грудь, поверх плаща и сутаны, но даже сквозь плотные слои ткани, инквизитор почувствовал, как обжигающий жар проник в его сердце, впиваясь в него раскаленными иглами. Дыхание сбилось от адской боли, пронзившей одновременно все тело. Дурман с прикусом жасмина на губах поглотил его разум.

– Ты человек, а значит, у тебя есть душа, – прошептала Валери и каждое ее слово тяжелым камнем опускалось на могучие плечи застывшего инквизитора. – Тело умрет, но душа будет помнить, и она будет платить, пока не искупит твои грехи, – с этими словами она опустила руку и резко отступила на пару шагов назад.

Оцепенение схлынуло, рассеивая массовое помешательство, в которое ввергла всех собравшихся Валери Мартель своими колдовскими чарами.

– Сжечь ее! На костер ведьму! Пусть горит дьявольская шлюха, – закричала ожившая толпа. Инквизитор набросил капюшон, отступая за трибуну и вставая между епископом Фортье и преподобным Бастьеном.

– Приступайте к исполнению наказания, – приказал он севшим голосом, кивнув двум, все еще пребывающим в растерянности, монахам. Переглянувшись, они с осторожностью взяли Валери под руки и повели к помосту, где их уже заждался палач. Девушке помогли подняться по лестнице и поставили лицом к Бенуару. Палач ненадолго замешкался, разглядывая хрупкую девушку, пока та бесстрашно смотрела на него. Ее глаза не пугали его. В колдовство палач не верил. До этого дня…

– Я могу дать тебе яд и ты не почувствуешь боли, – проговорил он тихо. – Умрешь до того, как огонь доберётся до тебя.

– Благодарю за милосердие, – Валери удивленно взглянула в уродливое лицо Бенуара, в глазах которого видела нерешительность и тревогу. – Не бойся, выполняй свою работу, – сказала она.

Кивнув, Бенуар-мясник взял ее огромными ручищами за плечи и приподняв, словно тряпичную куклу, поставил на деревянный брусок, прижал спиной к широкому столбу. Она не вздрогнула, не дернулась, увидев толстую верёвку в его руках. Палач очень быстро, чтобы не растягивать ее мучения, привязал девушку к столбу. Закончив, он отступил назад и снова вопросительно взглянул в лицо Валери Мартель. Она едва заметно качнула головой, давая ему разрешение. Бенуар спустился с постамента и взял протянутый одним из монахов факел.

– Жги ведьму! Гори в аду! Шлюха Дьявола! Ведьма! – завопили возбужденные горожане и ринулись вперед, чуть не снеся преграду из стражников.

– Последнее слово? – повернувшись к инквизитору, спросил епископ. Лафонтен не взглянул на него, даже не услышал. Сжимая обеими руками распятие, он неотрывно смотрел на Валери Мартель. Грубая верёвка врезалась в ее шею, не позволяя поднять голову, распахнутыми глазами она отчаянно пыталась успеть захватить кусочек неба и скрывшегося за тучей солнца. Пальцы Лафонтена побелели от напряжения, крест впился в кожу ладони, оставляя кровоточащие раны. Он не заметил, как алые капли крови начали монотонно падать на белоснежные, широкие рукава его сутаны.

Тем временем, палач опустил горящий факел к заложенной под помостом соломе. Ему пришлось делать это трижды. Солома вспыхивала и гасла под порывами ледяного ветра. И только с четвертой попытки рыжие языки пламени побежали по дровам и, набрав силу, взвились вверх, сизый дым лизнул доски помоста.

Монахи начали неистово молиться о спасении души нераскаявшейся грешницы. Заворожённые разгорающимся пламенем, горожане притихли. Огонь поднялся выше, добравшись до ступней Валери Мартель и перебросился на подол ее рубашки. Ярко вспыхнул, языки пламени побежали вверх. Столб за ее спиной загорелся. Сизый дым окутал охваченную огнем неподвижную фигуру. Инквизитор пошатнулся, сильнее сжимая распятие обеими ладонями. В висках загрохотало, дыхание сбилось, перед глазами поплыл багровый туман….

– Господи милостивый, – изумленно выдохнул епископ и перекрестился. Костер полыхал вокруг ведьмы, но ее кожа не чернела, покрываясь волдырями, а оставалась девственно-белой и невредимой. Обнаженная нетронутая красота в

клубах дыма и пламени. Ни одного стона или крика не сорвалось с губ девушки. Открытые колдовские глаза Валери смотрели на трибуну сквозь огненную стену, заглядывая в душу каждого, кто приговорил ее к мучительной смерти.

– Как такое возможно? – пробормотал в страхе Фортье. – Дьявол охраняет свою шлюху от языков пламени.

Ветер внезапно стих, небо потемнело, как перед грозой. Оторопевшие горожане умолкли, не веря собственным глазам. Иступленные молитвы монахов затихли. Повинуясь непреодолимому порыву, Лафонтен на негнущихся ногах вышел из-за трибуны, сжимая в руке окровавленное распятие. Растолкав упавших на колени монахов, он подошел вплотную к высокому костру. Кровь сочилась с его пальцев, падая на раскаленный песок. Жар пламени опалял кожу, отлетающие искры оставляли тлеющие следы на черном одеянии. Это безумие, наваждение, магия… Невозможно. Но она была там. В центре пылающего кострища. Ее черные, снова длинные волосы струились по плечам, совершенное тело, обласканное языками пламени, исцелилось от ран и парило над прогоревшими досками помоста. Огонь словно расступился, и подняв голову, Лафонтен посмотрел в сверкающие глаза Валери Мартель и провалился в них, как наяву увидев голубое чистое озеро и живописные берега, покрытые свежей зеленью и цветущими, жасминовыми деревьями. Она улыбнулась, поманив его рукой. Скинув плащ, без сомнений Андре Лафонтен шагнул вперед. Потом еще и еще. Стена огня сошлась за его спиной, отрезая путь к спасению, но он и не думал бежать. Ослепляющая свой красотой Валери Мартель, была совсем близко. Ее глаза манили в самое пекло преисподней, наполняя душу блаженством и умиротворением. Инквизитор протянул к ней свои руки и тонкие, белые пальцы девушки мягко обхватили его запястья, пламя соскользнуло с ее ладоней и переметнулось на рукава сутаны Лафонтена.

«Тело умрет, но душа будет помнить, и она будет платить, пока не искупит твои грехи», – прошелестел в голове ее тихий шепот.

Обжигающая, нестерпимая боль пронзила его тело, и Лафонтен закричал нечеловеческим голосом. Тьма сгустилась над головой, опускаясь все ниже, пока не накрыла полностью черным, тлеющим покрывалом. Но даже в кромешной мгле он не обрел покоя. Сотни разрозненных видений кружились вокруг него, показывая жуткие картины пыток и жестоких казней. Он не понимал того, что видел; расплывчатые, пугающие образы, места и лица, которые были ему незнакомы, но Лафонтен ощущал свою причастность во всем царящем вокруг

безумии, словно именно он сотворил этот ад. Собственными руками. Нечеловеческие страдания, душераздирающие крики мучеников, смерть, агония, гнев, ярость, реки крови, стекающие с его раскрытых ладоней и боль, живая, пульсирующая, бесконечная боль…

– Лафонтен! Лафонтен, слышите меня? – резкий, взволнованный голос епископа Фортье прогремел в его голове и инквизитор вырвался из колдовского наваждения, которое напустила на него ведьма. Прояснившимся взглядом он увидел почерневшее, дымящееся пепелище, оставшееся на месте казни Валери Мартель и расходящихся по домам людей, удовлетворенных зрелищем. Облака все также ползли в безмятежных небесах, холодный ветер поднимал пыль и пепел с земли, кружась и играя.

– Не надо кричать. Я прекрасно слышу, – хрипло отозвался Лафонтен.

– Что у вас с руками? – спросил преподобный Бастьен. Инквизитор резко опустил голову, дыхание заклокотало в горле, грудную клетку обожгло болью. Он резко выпустил распятие, с ужасом глядя на свои окровавленные ладони с глубокими ранами.

– Не думал я, что вы такой впечатлительный, – вздохнул епископ, похлопав инквизитора по плечу. – Все прошло довольно уныло. Она даже не кричала. Господь, спаси ее грешную душу, – перекрестившись, пробормотал Фортье. – Я, кажется, должен вам плату за оказанную помощь, – епископ достал из складок одеяния бархатный мешочек и подал Лафонтену. – Здесь семь золотых монет. Больше заплатить не могу. Городок маленький, сами понимаете.

Лафонтен ничего не ответил, продолжая смотреть на свои руки, истекающие кровью. Епископ пожал плечами и положил мешочек на трибуну.

– Вы чувствуете запах? – подняв на Фортье вопросительный взгляд, поинтересовался инквизитор.

– Гарью пахнет, – ответил епископ.

– И всё? – нахмурился Лафонтен.

– Ну, не серой же? Ведьму жгли, а не самого Дьявола, – ухмыльнулся Фортье, положив на ладонь инквизитора белый платок. – Перевяжите, иначе воспаления не избежать.

Инквизитор рассеянно кивнул, вдыхая одурманивающий аромат жасмина.

Тем же днем Андре Лафонтен срочно отбыл в Тулузу. Он ни разу не останавливался в придорожных тавернах, спеша добраться до города как можно быстрее. Лафонтен загнал коня до смерти, но все равно не успел. Дома инквизитора ожидали неутешительные вести. Сутки назад его сестра Агнес сбежала из своей кельи, поднялась на колокольню монастыря, сбросилась вниз и разбилась о камни. Монахини передали инквизитору, что Агнес перед тем, как решиться на страшный грех, была очень подавлена несколько дней и просила отпустить ее домой, чтобы увидеться с братом, отчаявшись дождаться его посещения. Девушке отказали…

Сам Андре Лафонтен распрощался с жизнью месяц спустя. Средь бела дня на людной улице его зарезали заезжие разбойники, украв тот самый мешочек с семью золотыми монетами, который заплатил инквизитору епископ Фортье за казнь Валери Мартель.

* * *

Наши дни. Москва. Россия.

– Ты молчишь двадцать минут.

– Что я должен делать?

– Говорить.

– С чего начать?

– С того, что привело тебя ко мне. С основной проблемы.

– Я бы не сказал, что у меня есть проблемы.

– Но ты здесь.

– Логично… Мне снится сон. Один и тот же. Каждую ночь.

– Каждую?

– Кроме воскресенья. Шесть ночей в неделю.

– Ты видишь себя во сне?

– Нет. Девушку.

– Знакомую?

– Нет, но теперь уже да.

– Приятный сон? Или из области кошмаров? Расскажи мне кратко суть и свои ощущения во время сна и после, когда просыпаешься.

– Все начинается приятно. Я вижу залитую солнечным светом лесную поляну и небольшое озеро с чистой, прозрачной водой. Вокруг зеленые деревья, поют птицы, порхают бабочки, дует ветер теплый, очень приятный, я ощущаю его ароматное дуновение на лице. Я бегу вдоль озера…

– Ты говорил, что видишь во сне девушку.

– Да, я бегу за ней. Подол длинного белого платья мелькает впереди и ускользает, как только я приближаюсь. Она играет со мной, удаляясь все дальше, смеется, поднимая вверх руки к солнцу, ветер играет с ее вьющимися волосами. Голые ступни едва касаются зеленой, сочной травы и мне кажется, что она парит над землей.

– Значит, ты все-таки присутствуешь в своем сне?

– Не совсем, скорее, ощущаю себя ветром, который летит за ускользающей девушкой.

– Ты видишь ее лицо?

– Нет. Никогда.

– Звучит очень красиво. Красочный и приятный сон.

– Да, сначала. Но потом все меняется. Словно кто-то гасит свет и я вижу ее лежащей на земле, вокруг кровь и грязь и боль острая, пронзающая все мышцы, словно я сам ее испытываю. Так мощно, что начинаю задыхаться.

– Ты просыпаешься?

– Нет. Не сразу. За минуту до пробуждения я вижу, как она разжимает окровавленный кулак, бросая в грязь монеты. Одну за другой. Ровно семь. Когда падает последняя, я просыпаюсь.

Глава 1

Воскресенье

«Смертными грехами христиане называют основные пороки, лежащие в основе множества других грехов. К ним относятся: Гордыня(тщеславие), зависть, алчность, гнев, похоть, чревоугодие и уныние. Каждый увидит их, если посмотрит внутрь себя».

(с)

Кирилл

– Кирилл… Кирилл Сергеевич, – томно прошептал мне в ухо нежный женский голос. Зарывшись лицом в подушку, я сделал вид, что продолжаю крепко спать.

Мне явно не поверили и в следующее мгновение к моему плечу прижались теплые губы. – Кирилл Сергеевич, ваш эспрессо с двумя ложками сахара готов, – и, как назло, бодрящий аромат кофе достиг моих обонятельных рецепторов, отгоняя ленивую сонливость. Давно заметил, что слова обладают мощной связью с восприятием действительности. Промолчи Белевская про этот эспрессо, я бы дальше сладко спал.

– Я знаю, что ты не спишь, – сообщила девушка. Одеяло колыхнулось, и ко мне прильнуло стройное, упругое тело, облачённое в короткий шелковый халатик. Всегда недоумевал, откуда он берется по утрам воскресенья, учитывая, что в моей холостяцкой квартире сроду не бывало женских вещей, а в сумочку Белевской поместиться может разве что мобильный телефон и пропуск. Мистика просто.

– Сколько времени? – спросил я хриплым спросонья голосом и, повернувшись набок, забрался шаловливыми руками под тонкий халатик, сжимая крепкое бедро девушки и только потом открыл глаза, упираясь взглядом в смазливое личико с безупречно наложенным макияжем. Когда она успевает привести себя в «боевой раскрас»?

– А где «доброе утро, Элла?», – Белевская сморщила свой идеальный носик и толкнув меня, перевернулась на спину. Обиженно насупилась, накручивая на палец длинный светлый локон, ожидая от меня, как минимум тех слов, что уже произнесла сама.

– Доброе утро, Элла, – ухмыльнувшись, пробормотал я, опираясь на локоть и наклонившись, поцеловал ее в уголок неестественно-ярких губ. Она мягко отстранилась, игриво пробежав пальцами по моей отросшей за ночь щетине.

– Что тебе снилось? Ты так сладко посапывал, – улыбнувшись голливудской, белозубой улыбкой, за которую, кажется, заплатил я, спросила Элла.

– Ничего, к счастью, – ответил сухо, чувствуя, как настроение резко скакнуло вниз.

Все в Элле Белевской красиво. Волосы, зубы, задница, грудь, ноги от ушей; мозги работают; в постели без комплексов; истерик, сцен ревности не закатывает. Есть один существенный недостаток – напрочь отсутствует женская

интуиция, иначе она бы не задавала раздражающих вопросов.

– А я надеялась, что ты меня видел во сне, – вздохнула Элла, словно испытывая мое терпение. В такие минуты сложно контролировать острое желание выставить ее за дверь. Я бы так и поступил, если бы не одно существенное «но». Элла Белевская – многофункциональная и незаменимая помощница, которая выручала меня в самых сложных и непредсказуемых ситуациях. Она двадцать четыре часа в сутки находилась в онлайн-режиме, и Элла первая, кому я звоню, если что-то в моих рабочих планах идет не так. Ее компетентность и скорость реакции невозможно подвергнуть сомнению. Безусловно, эта женщина незаменима.

– Сколько времени? – резковато вернулся к первоначальному вопросу.

Шумно выдохнув, девушка скинула в сторону одеяло и быстро спрыгнула с кровати. Я сел, скользнув взглядом по длинным ногам Белевской, потянулся к прикроватной тумбочке за моим остывающим кофе.

– Напомни, почему я тебя до сих пор терплю? Такого невнимательного хама-потребителя еще стоит поискать. Даже не знаю, за какие прегрешения мне так «подфартило».

– Это ирония или сарказм? – невозмутимо поинтересовался я, делая глоток эспрессо. – Кайф, – выдохнул с наслаждением. – Спасибо, крошка. Хочу напомнить, почему ты меня терпишь, – прищурившись, я наблюдал, как она курит у открытого балкона. – Ты получаешь неплохой оклад, я оплачиваю почти все твои прихоти, включая отпуск с подружками и вечеринки, на которые меня не приглашают.

– Ты сам не ходишь. Я звала и не раз, – с укоризной напомнила Белевская, затягиваясь тонкой сигаретой. Лет через пять, когда ей стукнет тридцатник, дурные привычки начнут сказываться на ее ровной персиковой коже и волосах. Не знаю, почему вдруг подобная мысль пришла в голову. Меня никогда не раздражали курящие женщины. С чего бы? Сам курю, как паровоз. Есть одно золотое правило, и я придерживаюсь его с осознанного возраста: не требуй от других качеств и достоинств, которыми не обладаешь сам.

– И в отпуск со мной никогда не ездишь, – продолжила жаловаться Белевская.

– Но ты не расстраиваешься по этому поводу. Элл, поверь, я не в обиде, – заявил я, ухмыльнувшись. – Я к тому, что тебе действительно подфартило, крошка.

– Не все меряется деньгами, – еще больше «развеселила» меня Белевская.

– Да, ладно? Хочешь меня без денег? – я поставил почти допитый кофе на тумбочку и, зацепившись взглядом за экран мобильника с высветившимися часами, забыл, что собирался сказать. – Девять утра? Ты разбудила меня в воскресенье в девять утра? – я с ней шутки шучу, а она такую подставу устроила. Еще часа два мог благополучно храпеть в подушку. – В единственный выходной, когда я могу позволить себе продрыхнуть до обеда?

– Тебя разбудил бы Стас в семь, не переведи я телефон на беззвучный режим, – невозмутимо ответила Белевская.

– Откуда ты знаешь пароль от моего телефона?

– Я твой секретарь. Я обязана знать все, – деловито отозвалась Элла и повернулась ко мне лицом, затушив сигарету в переполненной пепельнице.

– Документально ты секретарь Стаса, – уточнил я, хотя, конечно, этот факт не имел значения. Белевская умудряется разрываться на три компании, которыми я владею. Правая рука Дьявола, так сказать.

Я встал с кровати и ее взгляд лениво прошелся по моему голому телу. В голубых выразительных глазах мелькнуло горячее предвкушение. Ей нравилось то, что она видела, несмотря на уродливые шрамы, оставшиеся от пятилетней службы по контракту. Эллу заводила сама мысль о том, что она занимается сексом с парнем, которого могли отправить на тот свет, как минимум трижды. Белевская не скрывала, что с самого начала нашего сотрудничества считала меня везунчиком, баловнем фортуны.

У меня на этот счет немного иная теория. Я ее озвучу в конце главы.

Элла медленно приближалась, виляя стройными бедрами, распахнула свой крошечный халатик, позволяя ему соскользнуть с изящных плеч.

– Если бы ты был уродом, Кирилл, никакие баснословные оклады не заставили бы меня делать то, чем я собираюсь заняться прямо сейчас, – вибрирующим голосом промурлыкала Белевская, пройдясь пальчиком по выпуклому шраму на моей груди, я получил его в Чечне в последний год службы. След от пули. Несколько миллиметров влево и я бы сейчас кормил червей.

Изящная кисть Эллы проворно взлетела выше, подушечки пальцев порхнули по плечу с бардовой отметиной, доставшейся мне на память от разовравшейся осколочной мины. Самое первое ранение. Элла опустилась на колени, грациозно выгнув спину и соблазнительно выпячивая подтянутую задницу, над которой работала до седьмого пота трижды в неделю в одном из моих спортклубов. Результат впечатляющий, тут не поспоришь.

Ее намерения более чем красноречивы и чертовски заманчивы, но, во-первых, не люблю, когда она делает минет, минуту назад выкурив сигарету. А, во-вторых, надо позвонить Стасу Чупрасову, выяснить, что хотел от меня друг детства и по совместительству исполнительный директор в детективном агентстве «Фемида», владельцем которого, разумеется, являюсь я. Зная Стаса со школьной скамьи, более чем уверен, что он не стал бы тревожить меня в воскресенье без веской причины. С некоторым сожалением опустил ладони на плечи Белевской и уверенно отстранил от занятия, которое нам обоим пришлось бы по вкусу. Она села на свою упругую попку, разочаровано хлопая фальшивыми ресницами.

– Свари еще кофе. Мне нужно звякнуть Чупрасову, – взяв со стула спортивные штаны, неторопливо натянул их. Взглянув на вытянувшееся в недовольстве и чисто бабской обиде лицо Эллы, показал взглядом в сторону кухни. – Давай, крошка. Не заставляй меня просить дважды.

Белевская коротко кивнула, уловив в моем голосе интонации, после которых она обычно переставала спорить и становилась услужливой и отзывчивой к малейшей просьбе. Снова облачившись в шелковый халат, девушка скрылась на кухне и только после этого я взял с тумбочки айфон, пачку сигарет и вышел на балкон.

Выглянув в раскрытое окно, оперся локтями на раму, равнодушно наблюдая за несущимися по серому полотну трассы автомобилями, почти не различимыми с высоты двадцать четвёртого этажа. Прохладный, на удивление свежий ветер ерошил волосы, прогоняя остатки сна. Черт, а до следующего воскресенья еще целая неделя. Чиркнув зажигалкой, медленно затянулся, чувствуя легкое

головокружение. Списал его на отсутствие завтрака, а не побочку от недолеченных травм и контузий.

Резкий порыв ветра ударил в лицо и я прикрыл окно, отмечая про себя, что июнь в этом году снова не радовал погодой. Набрав номер Стаса, с растущим раздражением слушал длинные, монотонные гудки, между делом вспоминая, сколько с начала весны выпало солнечных дней. Я не особо придирчив к погоде, но в дождливые и серые будни накопленная усталость воспринимается острее, да и старые раны дают о себе знать тянущей болью, а измученный бессонными ночами мозг отказывается работать на полную мощь. Черт бы побрал Чупрасова и Белевскую… Испоганили на пару единственный день в неделе, когда я мог отоспаться. Еще козел и трубку не снимал. Взбесившись не на шутку, сбросил вызов и набрал повторно, сунув в зубы следующую сигарету. На этот раз Стас ответил на третьем гудке.

– Какого хрена тебе понадобилось от меня в воскресенье, да еще с утра пораньше? – рявкнул я, не дав Чупрасову и слова сказать.

– И тебе доброе утро, Кирилл Сергеевич, – до отвращения спокойным тоном поприветствовал меня Стас. – У кого-то была бурная ночь?

– Ты об этом хотел спросить, когда звонил в семь утра?

– Бог с тобой, Чернов, – испытывал мое терпение Стас. – Как прошла твоя ночь, я наслышан. Стены не такие толстые, как утверждал агент по недвижимости. А если серьезно, Кирилл, – в его голосе появились обеспокоенные интонации. – Дело важное. Оно касается Артема, – ошарашил меня Чупрасов. Нахмурившись, я потер переносицу, нечаянно уронив сигарету вниз. Чувство раздражения вернулось в троекратном объеме.

– Подожди, Стас, – пробормотал, силясь понять, о чем говорит Чупрасов. – Я с утра плохо соображаю. Моего Артема?

– Да, речь о твоем брате, – подтвердил мои худшие опасения Стас.

– Что он опять вытворил?

– Это не телефонный разговор.

– Черт, – вырвалось у меня.

– Спустись этажом ниже, и мы поговорим. У меня бутылка вискарика завалялась.

– Пусть валяется дальше, ты же знаешь, что я не пью. Крышу сносит, – я даже поморщился, вспомнив, как в последний раз очнулся на полу в «толчке» какого-то дешевого бара в разорванной рубашке, со сбитыми костяшками и фингалом под глазом. Ни денег, ни телефона и ни малейшего понятия, где именно нахожусь и как сюда попал. Из туалета вышел – зал пустой, только персонал снует туда-сюда. Меня как увидели – еще быстрее забегали. Позвонить никто не дал. Я на улицу, там дождь, ветер, ночь. Прохожие оказались отзывчивее официантов занюханного клуба или отказать побоялись. Кое-как добрался до дома, а там меня менты приняли. Под белые рученьки и в машину с сигналкой. В итоге выяснилось, что я ни хрена не пострадавшее лицо. Пострадавшие в больнице в состоянии средней тяжести. Все могло закончиться дерьмово, если бы начальник отделения, куда меня доставили, не узнал мою мятую физиономию с порога. Я четыре года работал под его началом, после того, как покинул ряды контрактников. На дольше не хватило. Понял, что тесно мне в форме и даже в отдельном кабинете; погоны душу не греют, да и вообще тоска смертная. Энергетический потенциал требовал действия, постоянного, ежеминутного, вот я и устроил себе марафон. Кручусь до сих пор, как белка в колесе. Развлекаю себя, как могу, чтобы не свихнуться окончательно.

– Со мной можно, – не сдавался Стас. – Я тебя не боюсь и дел наворотить не дам. Ты Эллу выпроваживай и заходи.

– Ладно, решим на месте, – с долей сомнения ответил я и не прощаясь, сбросил вызов.

Чупрасов – мужик проверенный; здоровенный верзила – сто двадцать килограмм мышечной массы при росте метр девяносто. С ним действительно выпить не страшно, особенно, если сильно хочется. Я вроде не любитель, но иногда накатывает. Одному нельзя – опасно. Я уже год позволяю себе расслабиться только в компании Стаса. Он меня, как облупленного знает, мы на соседних горшках в яслях сидели, потом за одной партой и в армии вместе служили первые два года. Только Чупрасов быстрее одумался, домой вернулся к матери.

А мне некуда возвращаться было. Мы с Темкой своих родителей похоронили, когда ему только восемнадцать стукнуло. Кстати, Чупрасов меня в органы пристроил, а я его потом в частный бизнес сманил. Я вообще предпочитаю со своими работать, хотя, говорят, денежный вопрос самую крепкую дружбу разрушить может. Ставить под сомнение массовое убеждение не буду, но за три года сотрудничества нареканий в адрес Стаса у меня не появилось.

Вернувшись в спальню, заметил, что Белевская успела прибраться, кровать заправить, вещи разложить. Из кухни тянуло ароматами горячей пищи. Метит хитрая сучка в хозяйки, а сама по средам к Стасу бегает. Стены действительно тонкие. Обманул риелтор, убеждая в обратном, когда мы с Чупрасовым три года назад в строящейся высотке квартиры подбирали. В принципе жильем я доволен и район хороший. Все близко. Метро, центр, офисы рабочие. Аренда, правда, дорогая, но и клиентура соответствующая.

А насчет Белевской я к Стасу без претензий. Такие дела обычно от бабы зависят. Кого-то из нас она, как запасной аэродром держит. Только не прокатит ни с кем. Я законченный холостяк, да и жить со мной ни одна не сможет. Умом тронется через месяц. А Стас уже был женат, наелся супружеским счастьем до отрыжки, больше не хочет. Так и живем два одиноких волка. Один на двадцать четвертом этаже. Другой, на двадцать третьем. А то, что красная шапочка одна на двоих, так это ее выбор. Нравится быть съеденной с потрохами – всегда пожалуйста.

По дороге на кухню заглянул в гостиную, чтобы убедиться, что там тоже хозяйственная Белевская марафет навела. Застал ее за плитой все в том же халатике и фартуке, взявшемся из ниоткуда, как по волшебству. Неужели решила, что меня ее кулинарные способности впечатлить могут? Ну-ну, Эллочка.

– Слушай, Элл, тут такое дело, – начал я, сунув руки в карманы брюк и опираясь плечом о косяк арочного проема. Она повернулась с лопаткой в правой руке и приторной до тошноты улыбкой. Скользнула по мне вопросительным взглядом. – Мне отойти надо. Дело срочное. Ты себе такси вызови, я оплачу.

– А завтрак? – моргнув, растерянно спросила Белевская.

– За завтрак отдельное спасибо. С удовольствием съем его, когда вернусь, – заверил я.

– Так, может, я тут побуду, пока ты свои дела решаешь?

– Нет, не надо, – коротко ответил я. Она озадаченно нахмурила изящные бровки, пытаясь понять, чем опять не угодила.

– Тогда, может, вечером увидимся? – воркующим голоском поинтересовалась Белевская, посылая мне многообещающую улыбку. – В кино сходим или я заеду и тут фильм посмотрим.

– Вечером у меня тренировка, Эл, – с неискренним сожалением качнул головой.

– Не знала, что ты по воскресеньям занимаешься… – протянула с плохо скрываемым сарказмом.

– Теперь знаешь, – пожал плечами, выжидающе глядя в потемневшие от обиды глаза. Теперь она точно поняла, что ее откровенно послали. Белевская – умная девочка. Выключила варочную панель и, кивнув, прошла мимо меня и даже плечом не толкнула.

– Я утром пришлю расписание, – спустя пять минут бросила она мне из прихожей. Я подошел к ней, и взяв из тумбочки бумажник, достал две пятерки и протянул девушке.

– На такси много, – взяв купюры тонкими пальчиками с острыми коготками, произнесла Белевская.

– Сходишь в кино с подружками.

– Спасибо, – чмокнула меня в щеку, преданно заглядывая в глаза. – Увидимся, Кирилл Сергеевич.

– Хорошего дня, Элла, – я открыл входную дверь, намекая, что ее время вышло.

* * *

Обаятельная улыбка мгновенно покинула лицо девушки, как только Чернов закрыл за ней дверь. Она мысленно выругалась, и закинув на плечо ремешок стильной сумочки, направилась к лифту, раздражённо цокая каблучками. Элла Белевская терпеть не могла, когда ее держали за наивную идиотку, а сейчас произошло именно это. Использовал по назначению и выставил прочь, словно ненужный хлам. И он даже мысли не допускал, что ей это может быть неприятно или обидно. Весь интерес Чернова к противоположному полу сходил на нет, как только он снимал презерватив. И Элла отлично знала, как часто он надевал его в ее отсутствие. Вечерняя тренировка – только повод. Элла сама составляла расписание Чернова. По воскресеньям он предпочитал отсыпаться и трахаться. Не с ней.

В такие моменты она всем сердцем ненавидела Кирилла Чернова за его непроходимую твердолобость и зашкаливающее самодовольство. Хладнокровный сукин сын, не способный оценить достоинства настоящей женщины и одержимо охраняющий свой статус завидного холостяка. Число желающих захомутать Чернова девиц возрастало с каждым днем, а Элла не молодела. Она сама не поняла, в какой момент ее стремление стать законной супругой непосредственного руководителя сменилось другим – уничтожить его. Чёртов потребитель, который к ее огорчению и злости обладал свойством превращать в золото все, за что брался. Чернов использовал не только ее тело, но и мозги, практически все свободное время, но не отдавая ничего взамен. Те крохи, что он перечислял и финансовые бонусы – ничто, по сравнению с ее вкладом. Двадцать четыре часа в сутки она батрачила на этого зажравшегося засранца, снисходительно считающего, что ей сказочно повезло. Как бы не так, Кирилл Сергеевич! Он поплатится за потраченное ею время и бесплодные усилия, бесконечный стресс и хронический недосып.

Нажав кнопку лифта, девушка достала из сумочки телефон и набрала номер Стаса Чупрасова, злорадно улыбнулась своему отражению в закрытых зеркальных створках. Ничего, скоро справедливость восторжествует и она с огромным удовольствием будет наблюдать падение несокрушимого Кирилла Чернова. Идеальный план, составленный его лучшим другом, вот-вот заработает. И если еще вчера у нее возникали сомнения в том, что они собирались делать, теперь от них не осталось и следа. Чернов заслужил все, что произойдет с ним в ближайшем будущем.

Шестеренки уже закрутились, набирая обороты, приближая момент расплаты.

– Да, бери же трубку, Стас! – нетерпеливо прошипела Элла, но в трубке по-прежнему раздавались монотонные, длинные гудки. Она набрала повторно и снова тишина.

Белевскую внезапно охватило тревожное ощущение. Пару часов назад Стас заверил ее, что держит ситуацию под контролем, но она хотела убедиться. Доверять мужчинам – непозволительная роскошь. Она давно это уяснила на своем горьком опыте. Нет никакой гарантии, что Чупрасов не кинет ее, когда получит посылку.

Лифт остановился и дверцы со скрежетом открылись. Так и не дождавшись ответа, девушка раздражённо бросила телефон в сумочку и, поколебавшись долю секунды, решительно развернулась и направилась к лестничной клетке. Времени оставалось не так много. Она слышала, что Стас зачем-то вызвал Чернова к себе. Что если у него проснулась совесть в последний момент и он решил пойти на попятную, подставив ее – Эллу? Этого Белевская допустить никак не могла. Она быстро спустилась на один этаж и позвонила в дверь Чупрасова. Никто не торопился ей открывать и она снова нажала на звонок, прислушалась. Из квартиры раздавался шум телевизора и никаких шагов.

– Ублюдок! – вырвалось у нее. – Жалкий слабак!

Ее затрясло от негодования. Порывшись в сумке, девушка достала связку ключей, которую Стас выдал ей несколько месяцев назад. Она отперла замок и вошла внутрь, осторожно прикрывая за собой дверь.

Глава 2

«Зависть есть печаль из-за благополучия ближнего. Завистливый человек хотел бы видеть славного бесчестным, богатого – убогим, счастливого – несчастным. Вот цель зависти – видеть, как завидуемый из счастья впадает в бедствие.»

Святитель Илья Минятий

Стас Чупрасов открыл глаза, словно только что проснулся ото сна. Его ладонь по-прежнему сжимала круглый, твердый предмет. Он ощущал кожей исходящее от него тепло, нарастающее с каждой секундой. Последнее, что он помнил это звонок Кириллу Чернову, а перед этим конверт в почтовом ящике и захлёстывающий страх в тот момент, когда он заглянул внутрь и осознал, что идеальный план с треском провалился.

Кто-то из участников решил сыграть в свою игру и обвести остальных вокруг пальца. Единственный вариант выйти сухим из воды: рассказать все Чернову, но в вольной версии, которая обеляла бы его – Стаса. Чупрасов не сомневался, что Кирилл поверит ему. Друг детства, сослуживец, практически партнёр по бизнесу. Практически…, а вот это обидно. Чупрасов делал максимум работы. Нет, бл*дь, он делал все, а прибыль оседала в карманах Чернова или шла на его новые, безумные идеи.

Сколько Стас себя помнил, он всегда пытался угнаться за лучшим другом. В школе, в стычках со сверстниками, в отношениях с противоположным полом – Чернов всегда был на шаг впереди. Его боялись, ставили в пример, в него влюблялись самые красивые девчонки. Он получал все, что хотел, легко и играючи.

Стас же всегда держался в тени пользующегося авторитетом друга и изо всех сил старался сравнять позиции. Сначала это были спортивные секции и соревнования, где Чернов брал только первые места, а Стас не проходил даже в десятку, хотя тоже усердно тренировался. Потом армия, где Чупрасов не выдержал больше положенного срока, затем служба в полиции, но и тут Чернов быстро задвинул своим авторитетом лучшего друга, когда, наигравшись в войнушку, решил попробовать себя на новом поприще. А после, словно посмеявшись, свалил из органов и занялся частным бизнесом. Какое-то время спустя Кирилл предложил Стасу присоединиться к нему в его коммерческих начинаниях. Не сразу, но он согласился, хотя больше всего на свете хотел послать Чернова к черту.

Чупрасов не помнил, в какой момент на место восхищения пришла зависть. Съедающая, не дающая покоя ни днем, ни ночью, черная зависть. Возможно, он всегда ненавидел Кирилла Чернова и ждал удобного случая, чтобы ударить в спину. И когда до воплощения замыслов осталось всего ничего, что-то пошло не так… Все не так.

Чупрасов несколько раз моргнул, прогоняя плывущий в голове туман. В лицо ударил поток воздуха, и он с недоумением огляделся по сторонам.

Что за…

Стас с изумлением осознал, что находится на собственном балконе, но абсолютно не помнил, как тут оказался. Под ногами гладкий пластик табурета, а прямо перед ним распахнутое окно.

«Какого черта?» – промелькнула в голове первая связная мысль.

«Что я здесь делаю?» – это прозвучала вторая. Ладонь прострелила обжигающая боль, и он дернулся, с ужасом глядя вниз.

– Стас, если ты решил меня кинуть, то я… – истерически завопил за спиной женский голос. Он хотел повернуться, чтобы высказать ненормальной суке все, что о ней думает. Это она! Она! Хитрая двуличная стерва. Он знал, что нельзя никому доверять, но Белевская так убедительно ненавидела Чернова….

* * *

Кирилл

Несмотря на раннее пробуждение, неплохое выдалось утро. И завтраком накормили, и кофе выпил, и день вроде как солнечным обещает быть. Что еще нужно, чтобы почувствовать удовлетворение от жизни? Не употребляю термин «счастье», для меня это нечто из ряда размытых, неточных понятий, придуманных людьми для придания смысла порой бессмысленным событиям. А мне не нужен смысл, только движение. Только вперед. А конкретно сейчас – вниз. На один этаж.

Дверь оказалась не заперта. Стас, видимо, открыл, чтобы я не долбился. Зашел, как к себе домой. В гостиной орал спортивный канал, на кухне шумела вода. Вроде один мужик живет, а впечатление хаоса возникает с порога. Направился на кухню, предвкушая веселую попойку без последствий. Стол накрыт. Накрыт, конечно, громко сказано. Стаканы расставлены, запотевшая холодненькая бутылка вискаря в центре, на тарелке порезанный свежий и соленый огурцы –

овощная нарезка, и апельсин кругляшами – фруктовая. На плите в кастрюльке кипела вода вместе с пельменями – горячее. Ресторан отдыхает, товарищи!

– Стас, я сейчас без тебя начну. Двигай давай сюда. Потом на записи матч досмотришь, – крикнул я, усаживаясь за стол.

В ответ тишина. Нехорошая такая, тяжелая; по ногам сквозняк, хотя дверь я закрыл. Может, покурить вышел на балкон, так он на кухне обычно дымит. После развода некому нотации читать.

Встал с тяжелым вздохом и поплелся на поиски пропавшего друга. По дороге проверил ванную и туалет, заглянул в спальню. Кровать разобрана, под ней три пары «уставших» носков. Классика. В гостиной по-прежнему надрывался спорт-канал. Стас не замечен.

Балкон нараспашку, но и там, сквозь прозрачный тюль, Чупрасова не наблюдалось. Разошлись, может? На лифте за мной поехал? Один этаж? Бред. В магазин побежал? За майонезом к пельменям? Вот это более правдоподобная версия.

– Подготовился бы сначала, а потом в гости звал, – подумал вслух и, достав пачку сигарет, пошлепал к балкону. Перекурить, что ли, пока Стас не объявился.

А входную почему он не запер? – мелькнуло в голове. Сам же бывший мент. В курсе, что пары минут хватит, чтобы квартиру обчистить.

С улицы доносились звуки трассы и завывающих сигналок. Ничего удивительного. Город огромный, население больше десяти миллионов. Каждую минуту что-то случается.

На захламленном инструментами и спортивным инвентарём балконе, я заметил кухонный табурет. Вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок. Первые симптомы херового предчувствия. Дом сдавался уже с застекленными балконами. Пластиковое окно, под которым стоял табурет, было распахнуто, москитная сетка валялась на полу.

А ревущие сигналки все ближе….

Что за хренотень творится? Шагнув вперед, выглянул из окна. Открытая рама на уровне моего пояса, но если встать на табурет, то запросто можно спикировать вниз. Мысль пришла спонтанно и даже зафиксироваться не успела, когда я опустил взгляд и почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

Черт!!!

С высоты двадцать третьего этажа собравшаяся внизу толпа напоминала разворошенный муравейник. В центре людского сборища, на тротуаре, лицом вниз лежал человек. Сердце сделало замысловатый кульбит и перешло в режим отбойного молотка, выбивающего дух из оцепеневшего тела. Интуиция меня редко подводила, я всегда умел сопоставлять факты. Я бывший следак. У меня гребаный нюх, чуйка, если хотите. Я уже знал, что это Стас.

Несколько секунд я в каком-то ступоре смотрел, как набежавших зевак разгонял прибывший наряд полиции. Возле подъехавшей скорой переговаривались врач и мужик в форме. Судя по тому, что люди в белых халатах не спешили к лежащему на асфальте Стасу, ни о каком шансе на то, что он мог выжить, после падения с высоты двадцать третьего этажа, не могло быть и речи. Ну да, какие тут могут быть шансы?

Последняя мысль меня резко вывела из транса; я включил мента в отставке и быстро попятился назад. Надо сваливать, пока полицейские меня не засекли. Я на собственном опыте знал, как работает судебная система в подобных случаях. Привлечь меня не за что, мотив отсутствует, улик никаких, но по допросам затаскают – сто процентов.

Я уже развернулся, чтобы уйти с балкона, когда взгляд случайно зацепился за круглую блестящую монетку, завалившуюся под стул. Не раздумывая, наклонился, чтобы поднять ее и автоматически сунул в карман. В голове мелькнуло запоздалое предположение, что я, возможно, забрал улику с места преступления, но я тут же отогнал его. Врагов у Стаса не было. Я точно ни одного не встречал. Версия с убийством явно не будет рассматриваться. Но что остается? Стас не тот парень, кто, встав с утра пораньше, приглашает друга выпить, накрывает стол, а потом выпрыгивает из окна.

Как же пельмени, в конце концов?

Ладно, надо дергать отсюда. Подумаю обо всем в спокойной обстановке. Монета не единственное, что я забрал из квартиры Чупрасова. Виски ему тоже больше не пригодится.

* * *

Осознание произошедшего накатило позже, часа через два. Я закрылся в своей квартире и не отпирал дверь, когда начались многочисленные звонки, потому что догадывался, кто там. Я не был готов давать показания, но один хрен, придётся. Завтра или через неделю. Я друг погибшего, босс, сосед. Меня вызовут. Без вариантов.

Я плотно закрыл все шторы, отключил телефон и пил в одиночку на своей кухне виски Стаса, который мы должны были выпить вместе. Этажом ниже…

На столе наполненный стакан, в голове неразбериха. Я рассеянно крутил в пальцах старую монету, внешне очень похожую на золотую. Я пока не думал и не строил теорий; я перебирал в памяти вереницу событий из прошлого, связанных с Чупрасовым.

Вспоминал наши загулы в юности, драки во дворах с соседскими мальчишками, службу в армии и тяжелую ментовскую работу. Вспоминал, как Стас отговаривал меня увольняться из отдела, а через год сам ушел, чтобы занять пост моего заместителя в «Фемиде» и как я свалил на него все обязанности, а через год открыл охранное агентство «Зевс», переманив туда еще одного нашего бывшего сослуживца – Ваньку Юматова. Потом открыл первый фитнес-клуб на цокольном этаже бизнес-центра, в котором снимал офисы первых двух компаний. Многие предприниматели из данной сферы терпели убытки и закрывались, не выдерживая конкуренции, а у меня попёрло в геометрической прогрессии, с первого же месяца.

Стас считал, что у меня жилка предпринимательская заложена и чуйка развита или просто дар притягивать бабло. Самое удивительное, я никогда ничего не планировал. Все происходило само собой. Появлялась идея и я ее реализовывал, не встречая, как правило, особых препятствий.

Мы со Стасом и две одинаковые квартиры в новостройке на Новом Арбате точно так же приобрели. Абсолютно спонтанно. Ехали мимо, дом понравился, позвонили риелтору, на следующий день посмотрели и оформлять начали, через пару месяцев заселились. А когда собирались за бутылкой на его кухне или моей, Чупрасов любил вспоминать, как мы первый миллион чистой прибыли в закрытом клубе с элитными проститутками отмечали. Спустили там половину, если не больше. Оторвались, как говорится на полную катушку, острых ощущений до конца жизни с лихвой. Правда, потом пояса подтянуть пришлось, но это так, мелочи. Сколько раз мы договаривались повторить? Не срасталось никак, а теперь поздно уже повторять и не с кем.

Раньше как думали: будет много денег – все сможем себе позволить: тачки, бабы, путешествия, казино, рестораны, а на деле иначе вышло. Времени в обрез и мозг, как калькулятор; сплошные отчеты, графики, финансовые прогнозы, бизнес-схемы. Даже на тренировках, доводя себя до изнеможения, мысленно новые офисы и компании открываю. Стас удивлялся всегда моей способности переключаться. Помогал мне во всем. На него положиться можно было в любой ситуации. Надёжный парень.

Был.

Не представляю, что могло его толкнуть с двадцать третьего этажа солнечным, июньским утром. Может, я недостаточно хорошо его знал. Нет, ерунда. Он со мной все насущные проблемы обсуждал. Не из любителей трудности в себе вынашивать.

Несколько лет назад Чупрасов пережил тяжелый развод. Жена та еще прошмандовка оказалась. Пока муж на ночных дежурствах пропадал, она любовника себе завела. Стас как-то ночью забежал кофе выпить: на кухне бутылка пустая из-под шампанского, фрукты, конфеты – «романтик», а жена в комнате голая в супружеской кровати с каким-то мужиком. Сына матери своей отправила и нужду в ласке удовлетворяла. Душу Стас тогда из обоих выбил, жена даже заяву на него накатала, побои сняла, хотела при разводе в родительских правах его ограничить, но Чупрасов сам тогда ментом работал, связи имелись, помогли, отстояли. Я всю эту ситуацию все равно, что сам пережил. Чупрасов, несмотря на могучую комплекцию, парень эмоциональный, ранимый. Я уверен, что следаки эту историю поднимут, спишут его смерть на самоубийство, лишь бы дело закрыть по-быстрому. А у Стаса сын в этом году уже во второй класс пойдет. Отец ему нужен…

Не мог он. Не мог.

Но я сам там был. В квартире никаких следов постороннего присутствия. От его звонка до моего прихода не больше пятнадцати минут прошло. Дверь входная была открыта, но он сам мог ее отпереть, чтобы я не звонил. Что могло произойти? Что? Поставил пельмени вариться и пошел счеты с жизнью сводить?

Знаю, что и не такое бывает. Насмотрелся за время работы в отделе. У суицидников, как правило, нет никакой логики, а родственники всегда в шоке и недоумении. Руками разводят, сокрушаются, что никаких симптомов не заметили. Выходит, что я тоже пропустил?

Монета нагрелась в пальцах и, кажется, еще ярче стала. Уставился на нее зачарованно, пытаясь разгадку найти, а в голове пустота. Профиль какого-то важного мужика на аверсе, баба – на реверсе. Сто процентов – богиня. Что эта монета на балконе под стулом делала? Давно закатилась или Стас ее перед тем как вниз сигануть выронил? Чеканка старая. На глаз дал бы век десятый. Случайно закатиться не могла. Слишком дорогая монета, чтобы раскидываться.

Не помню, как допил бутылку и как до кровати добрался тоже. Словно по щелчку рассудок выключился, растворившись в алкогольных парах. Разбудила настойчивая трель дверного звонка, проснулся все еще пьяный. Кое-как доковылял до прихожей. Дверь открыл, а там… «диво дивное» в коротком топе и черных лосинах. «Вечерняя тренировка на дом» пожаловала.

– Кирилл Сергеевич, мы договаривались, – раздвигая губы в улыбке, произнесла новенькая тренерша из моего фитнесс-клуба. Хороша бестия. – Я пришла, – облокотилась на косяк, выпятила грудь. Не надо стараться, девочка и так все отлично видно.

– У меня друг умер, – потерев щетину, хриплым со сна голосом заявил я. Во рту привкус не выветрившегося из организма виски. Девушка поменялась в лице. Хоть убей, не помню, как зовут.

– Мне жаль, я в другой раз зайду, – пробормотала она смущённо.

– Но я-то жив, – ответил я, распахивая дверь шире.

Может показаться, что я как-то неправильно реагирую, слишком хладнокровно и спокойно веду себя, учитывая, что утром потерял друга. Объяснение кроется в моем прошлом. Я контрактник, который на протяжении пяти лет ежедневно наблюдал смерть и не только тех, с кем приходилось воевать, и в кого вынужден был стрелять. Иногда стреляли в нас и попадали, и убивали. Многих из давно похороненных парней я считал своими друзьями. Это жизнь. И смерть. Я не бесчувственный биоробот. Я человек, который каждую ночь видит кошмары. Движение, ежеминутная загруженность, бешеный график – единственное, что помогает мне не думать, но не забыть. Забыть нельзя, невозможно.

Будь я суеверным, то решил бы, что проклят.

Глава 3

Понедельник

Треск… Нарастающий, хрустящий, плотный, обступающий со всех сторон. Я распахиваю глаза и это последнее движение, которое смогу сделать в ближайшие несколько минут… или часов. Восприятие времени размыто. Я могу только смотреть, слышать, осязать, вдыхать.

Треск с каждой секундой усиливается, пробираясь в мою голову; я чувствую, как меняется пространство. Очертания комнаты смазываются, плывут, обрастают живыми тенями, ржавыми вспышками. Запах гари распространяется с молниеносной скоростью и понимаю, что сгущающаяся тьма – это черный дым, отравляющий легкие едким ядом. Я вижу, как вспыхивают обои, шторы; как огоньки пламени ползут по полу, мебели, добираются до постели, крадутся по простыне. Ржавые, юркие, оставляющие чёрный след и осыпающийся пепел повсюду: на моем лице, волосах, губах, во рту. Я дышу им; горло дерет, но парализованные мышцы не позволяют откашляться, выплюнуть едкий привкус, сделать вдох. Паника нарастает, пока сознание мечется, а тело бездействует. Кровать превращается в пылающий факел, я в эпицентре огненного кратера.

После приходит боль. Раздирающая, живая, обжигающая, я чувствую, как шипит и лопается кожа, как сочится кровь из вздувающихся пузырей. Пронизывающая,

адская боль; моя плоть горит и плавится; пламя сжигает изнутри, вопль застревает в горле, лёгкие кипят и взрываются…, но я продолжаю дышать, я чувствую всё. Настолько реально, что сердце в какой-то момент, не выдерживая, замирает и черная мгла прорывается в мое сознание, отключая его.

А потом я резко просыпаюсь, мокрый от пота, с бешено колотящимся сердцем и пылающей кожей. Несколько минут я все еще ощущаю ментальную боль от ожогов. Я пытаюсь отдышаться, голос сорван, будто я кричал, хотя точно знаю, что не делал этого.

Иногда я встаю с кровати и хрипло рычу от пронзающих тело спазмов, острых, словно тысячи игл одновременно впиваются в мои мышцы; иногда я падаю и лежу на прохладном полу, постепенно приходя в себя. Я убеждаю себя, что мои ощущения нереальны. Галлюцинация. Сон. Всего лишь чертов сон. Я заставлю себя поверить… ровно до следующей ночи.

Все начиналось с состояния полного оцепенения и парализации мышц. Онемение, неподвижность, беспомощность. Сознание неясное, спутанное, при этом я понимал всё, что происходит и мой организм реагировал на испытываемые эмоции. Сердцебиение и пульс зашкаливали, дыхание срывалось. В момент засыпания, посреди ночи или при пробуждении – не имеет значения. Всегда по-разному. Я пробовал бороться, контролировать, корректировал режим, пил снотворное или не спал вообще. Нет никакой привязки ко времени, месту, предшествующим событиям. Я мог не спать всю ночь и приступ повторялся утром, днем. Я даже не всегда находился в постели. Достаточно задремать в любом месте и все происходило снова… На протяжении многих лет.

Когда я восстанавливался в госпитале после ранений, приступы сонного паралича заметили психиатры-реабилитологи. Я никогда не обращался к ним сам, но и не стал отказываться от помощи. Врачи отнесли мою патологию к обобщённому термину «парасомния», включающему в себя огромный перечень нарушений сна. Мне говорили, что приступы являются побочным явлением и следствием перенесенных травм, чувства тревоги, недосыпания и постоянного стресса.

Я проходил комплексные обследования, мне выписывали десятки самых разных препаратов. Я не спорил с врачами. Я знал, что они ошибаются. Не война породила мои кошмары. Это я убежал на войну от слишком реальных еженощных видений. Я устал умирать в своей постели…

С шестнадцати лет, шесть ночей в неделю. С понедельника по субботу, и лишь в воскресенье мог спать, не опасаясь, что приступ повторится. Я думал, что ужасы, увиденные во время службы в горячих точках, перекроют мои кошмары. Я ошибся. Я умирал и там. Каждый раз, засыпая, где придется и когда придется.

Это не всегда огонь. Только в понедельник. В расписании моих смертей есть четкий порядок, как бы нелепо это ни звучало. С воскресенья на понедельник я горю. Единственное, что объединяет приступы – обонятельные галлюцинации после пробуждения. Даже придя в себя и приняв душ, я еще несколько часов ощущал аромат жасмина. Но, наверное, это лучше, чем запах гари и привкус пепла во рту. Я пытался найти плюсы, мыслить позитивно, я цеплялся за соломинку….

Мне тридцать четыре года. Я предполагал, что лекарства не существует. Одно лишь удерживало мое сознание от полнейшего безумия – полная умственная и физическая загруженность. Я не позволял себе думать о причинах и копаться в себе, я пил литрами кофеин и на бешеной скорости нёсся вперед по жизни. Или это самообман и я трусливо убегал?

Я знал одно – останавливаться нельзя, опасно.

Я чувствовал тьму за своей спиной. Она близко. Именно по этой причине я никогда не оглядывался, не смотрел ей в глаза. Если она увидит мой страх, то мне не выбраться. Не победить. Я останусь там навсегда.

* * *

Я вышел из подъезда, игнорируя бодрое приветствие консьержки. Если честно, я ее даже не заметил. В одной руке кейс с рабочим ноутбуком, в другой – ключи от автомобиля. Спустившись с последней ступени, остановился, уставившись на засохшее пятно крови, впитавшееся в асфальт. Взгляд зацепился за частицы кожи, когда-то принадлежавшей моему другу детства, меня замутило. Выпитый литр кофе просился наружу.

Сделав глубокий вдох, я на ватных ногах направился к припаркованному БМВ, щелкнул сигналкой и забрался внутрь салона. Свежий морской ароматизатор не перебил навязчивый запах жасмина, забивший мои обонятельные рецепторы.

Еще пару часов я буду ощущать его раздражающее присутствие на своей одежде и руках. Вставив ключ в замок зажигания, завел двигатель, установил телефон на подставку, сунул в ухо гарнитуру и мягко тронулся. Шрамы от осколочных ранений на ладонях неприятно заныли, когда я слишком резко вывернул руль, перед глазами мелькнули события пятилетней давности. Чечня. Горный поселок, удерживаемый боевиками. Долгая осада, потом штурм. Противник держал оборону до последнего. Когда кончились патроны, в ход пошли гранаты. Одна упала в десяти метрах от меня, я не успел среагировать и отлетел от удара взрывной волны. Я закрывал лицо от летящих осколков и они насквозь пропахали мои ладони, задели плечо и грудную клетку. Мой последний бой.

Тряхнув головой, я прогнал не самые приятные воспоминания. Притормозив на светофоре, включил телефон. Как и предполагал, сотни пропущенных звонков и сообщений. Большинство от Эллы. Ее оставлю на потом, точно зная, что Белевская справится с рутинными вопросами и без меня, ситуацию со Стасом обсудим лично, когда доберусь до офиса. Набрал первый номер неизвестного абонента. Уверен, что это следователь. В обед у меня будет время, чтобы доехать до отделения и дать показания, если они все еще требуются.

– Добрый день, клинический центр МНПЦ наркологии, чем я могу вам помочь? – ответил мне официальный приятный женский голос, развеяв в прах мои предположения.

В который раз за последние сутки я потерял дар речи?

– Мне звонили вчера с этого номера ночью, – глухим голосом произнес я.

– На этот телефон? Как ваше имя?

– Кирилл Сергеевич Чернов, – съезжая на обочину, проговорил я и затормозил, включив аварийку.

– Подождите минутку, – попросила девушка. Я кивнул, словно она могла увидеть мой жест. И принялся ждать, судорожно стиснув челюсти.

МНРПЦ наркологии… Мне знакомо это заведение. Артем, мой младший брат, несколько лет назад проходил там двухмесячный курс лечения от наркотической

зависимости. Пока я зарабатывал в Чечне на его образование, он подсел на героин. В итоге его исключили, а мне пришлось платить еще и за лечение, а потом давать взятку ректору, чтобы засранца взяли обратно.

– Кирилл Сергеевич, – снова заговорил женский голос в трубке. – Вам звонили по поводу вашего брата, потому что Артем Чернов уже проходил лечение в нашей клинике и до сих пор состоит на учете. Ночью он поступил с отравлением и сейчас находится в палате интенсивной терапии.

– Что он снова натворил? – с упавшим сердцем спросил я, до хруста в костяшках сжимая руль.

– У него острая интоксикация.

– Иначе говоря, передоз? – с трудом сдерживая гнев, уточнил я.

– Нет, алкогольное отравление. Вам лучше приехать и обсудить все подробности его состояния и дальнейшего лечения с врачом. Спросите на стойке регистрации доктора Веронику Андреевну Божич. Она спустится и все вам расскажет.

– Спасибо, скоро буду, – я бросил взгляд на наручные часы и быстро добавил. – Через час, максимум полтора.

– До встречи, Кирилл Сергеевич, – вежливо ответили мне.

С учётом пробок я подъехал к зданию МНРПЦ наркологии через два часа. Бросил БМВ на стоянке и быстрым шагом направился к главному зданию. Я знал, куда идти. Потому что не раз и не два посещал это «чудное» место. Надеялся, что больше никогда не доведётся, но не тут-то было.

Артем… В голове не укладывалось. Столько лет держался, ни капли алкоголя. Даже курить бросил. Пока ехал в клинику пытался вспомнить, когда видел брата в последний раз. И не сразу получилось. Пару месяцев назад, может больше. Нет, никаких угрызений совести я на этот счет не испытывал. Тема сам не горел желанием общаться чаще. Каждый раз соглашался встретиться таким тоном, словно великое одолжение делал. А я навязываться не привык.

Началось все семь лет назад, когда я завязал со службой и вернулся домой. Думал, брат обрадуется, а он обдолбаный в усмерть, из универа выперли, в квартире помойка. Пришлось принять меры. Какое-то время пытался отношения наладить, особенно, когда Тёмка после лечения домой выписался. Хлебнул я тогда с ним, мама не горюй, глаз с него не сводил, за собой везде таскал, чтобы одного не бросать. В универе заставил восстановиться. Оставалось-то год всего доучиться. Тёмка потом в газетенку какую-то третьесортную устроился и до сих пор там торчит. И название какое-то дурацкое: «Оракул». Гороскопы, что ли, там клепает? Хотя по специальности Темка военный журналист; университет Минобороны закончил. Далеко мог пойти, а не одну колонку из года в год вести. Но, увы, свои мозги в чужую голову не вложишь, тем более, что сам покуралесил в юности не слабо.

Вообще, отношения с братом – отдельная тема, которой я старался не касаться. Пережили, забыли и дальше пошли. Из моего окружения только Стас Чупрасов знал о наших проблемах. Он считал, что мы оба виноваты.

– Оставлять его не надо было, Кирилл, – всплыли в памяти его слова. – Ты от горя на войну сбежал, когда родители погибли, а Артему некуда бежать было, вот он и сорвался.

Я не спорил с другом, ничего не доказывал, но он ошибался. Ни от какого горя я никуда не сбегал. Гибель родителей, вообще, к моему решению пойти в армию контрактником не имела никакого отношения. А ведь Стас именно о Тёмке поговорить вчера хотел.

Может, знал чего?

Теперь уже не расскажет.

– Мне нужна Божич Вероника Андреевна, – приблизившись к регистрационной стойке, произнёс я. Миловидная девушка в очках и белом халатике, дружелюбно улыбнулась.

– Кирилл Сергеевич? – она узнала мой голос. Симпатичная, но мне сейчас совсем не до знакомств.

– Да, добрый день, – опустил взгляд на табличку на ее груди: «Марина».

– Добрый день, – улыбнулась девушка. – Присаживайтесь пока, а я сообщу Веронике Андреевне, что вы здесь. – Она показал пальчиком в сторону кожаных больничных диванов, расставленных вдоль стены. – У нас есть кофейный аппарат, – сообщила любезная Марина.

– Спасибо, выйду на воздух, – хмуро кивнул. Лицо девушки обеспокоенно вытянулось. – Вернусь, – уверил я.

На самом деле мне адски хотелось курить. Кофейным аппаратом я все-таки воспользовался. Взял себе двойной эспрессо и вышел на улицу. Глаза слипались, несмотря на литр круто сваренного кофе с утра. Поспать удалось не больше пары часов. «Вечерняя тренировка» с подтянутой выносливой красоткой затянулась, я с трудом ее спровадил в первом часу ночи, а потом ненадолго задремал и … В общем, больше не уснул.

Спустившись с крыльца, я отошел в специально отведённое место, достал сигареты и закурил, игнорируя вибрирующий в кармане телефон. Разберусь с Артёмом, потом займусь своими проблемами. На какое-то время возьму все дела «Фемиды» на себя, а дальше видно будет. В конце концов, у меня есть незаменимая Элла Белевская. Справимся. Прорвемся.

Надо еще созвониться с бывшей женой Стаса – Жанной, хотя до ужаса не хочется. Может, ей понадобится моя помощь с похоронами. Больше родственников, кроме Жанны и сына, у Чупрасова нет. Мальчишку жалко…. Я помню, каким ударом для меня стала внезапная смерть родителей, а я был гораздо старше. Они попали в аварию, когда я на третьем курсе учился в Военной академии. Хотел пойти по следам отца. Он у меня суровый был – полковник, мать – учительница. Хорошо жили, скромно, по распорядку. А потом рухнуло все. Я академию бросил, ушел служить в армию и застрял там. Может и прав был Стас, не стоило оставлять Артема. Я думал, что взрослый парень, совершеннолетний, в универе учится, мозги на месте, а вон, чем закончилось.

Запивая горький вкус табака не менее горьким кофе, задрав голову кверху, я рассеянно смотрел на плывущие в синем небе облака сквозь тёмные стекла солнечных очков. Я гнал от себя тяжелые мысли, проглатывая всколыхнувшееся чувство вины вместе с остывшим эспрессо. Я никогда не был подвержен самобичеванию, иначе не продержался бы в армии пять лет. Я видел, как парни сослуживцы за один день седели, калеками становились, как сходили с ума,

вешались и стрелялись, убивали и насиловали. Много, слишком много крови, ужаса, смертей. Выживает, сохранив рассудок только тот, кто умеет не чувствовать. Не сразу это приходит, закалка нужна. Не знаю, смог бы я бросить службу, если бы не последнее ранение. Не уверен. Круглосуточный стресс, смертельный риск, физическая нагрузка, режим многозадачности, выживание на грани возможностей в антисанитарных, нечеловеческих условиях. Как ни странно, мне все это помогало не свихнуться окончательно.

То, что приходило ко мне по ночам, казалось страшнее, чем война.

Бросив в железную урну истлевший окурок, хлопнул перевёрнутой пачкой по открытой ладони, собираясь достать еще одну сигарету.

– Кирилл Сергеевич? – раздался за моей спиной женский голос. Мелодичный, глубокий, сексуальный до мурашек. Я узнал его мгновенно и замер, испытав очередное потрясение. Что за трэш вообще происходит? Может, я все еще сплю? Или это у меня передоз и острая интоксикация?

Вероника Божич. В голове промелькнул калейдоскоп ярких, полузабытых воспоминаний. Огромные изумрудные глаза и темные длинные волосы, острые коленки и торчащие ключицы, размазанные ручьи туши на бледных щеках.

Вероника Божич… Лечащий врач моего брата, охренеть можно. Я не знал, какая у нее фамилия, ничего почти о ней не знал. В последний раз я видел Веронику за год до того, как окончательно бросил службу и ей самой тогда требовался психиатр.

Странно все это. Очень странно.

Мы были знакомы всего несколько часов, а я ее на всю жизнь запомнил. Не думал, что снова доведется встретиться. При таких вот обстоятельствах. Чертовски неловких обстоятельствах. Я более чем уверен, что она совсем не рада нашей встрече и у нее есть на то очень веские основания.

– Привет, – обернувшись, поздоровался я. Притворяться, что мы не встречались раньше – глупо, не по-взрослому. – Вероника? – я опустил подбородок, разглядывая все такую же хрупкую фигурку, собранные в аккуратный пучок на затылке тёмные волосы, настороженные, зеленые глаза. Моя реакция на нее

тоже не изменилась. Восемь лет назад я не мог себя контролировать, но теперь был уверен, что справлюсь. И все же, и все же… я не мог от нее оторваться. Темные стекла солнцезащитных очков позволяли скрывать, как я нагло пялился. Я понимал, что это чертовски невежливо, но сдержаться не мог.

– Ты не изменилась, – сообщил слегка севшим голосом. Сунул пачку сигарет в карман брюк и снял, наконец, очки.

– Кирилл, – она напряженно кивнула, глядя на меня прозрачным изумрудным взглядом. – А ты очень изменился.

– Надеюсь, что в лучшую сторону, – я попытался пошутить, но прозвучало, как флирт. Вероника нахмурилась.

– Я тоже надеюсь, – холодно ответила она и указала в сторону главного входа в клинику. – Вернемся внутрь?

– Белые стены на меня давят. Может, поговорим здесь?

– В курилке? – скептически уточнила Вероника Божич, а я пытался мысленно подсчитать, сколько ей сейчас лет. Нехитрые арифметические действия выдали цифру двадцать шесть. Совсем юный психиатр и опыта, наверное, пшик. Но мне определённо нравилась ее фамилия. И она сама. Главное снова не натворить дел и держать руки подальше от молодого, соблазнительного доктора. И не только руки….

– Можно прогуляться по больничному парку, – предложил я. Она неопределённо пожала печами и я принял этот жест за согласие.

Мы пошли по выложенной плиткой дорожке, держась на достаточном расстоянии, чтобы не соприкасаться локтями. Ее каблучки глухо стучали, а я не мог ни о чем думать, даже о состоянии Артема и о причинах, что привели его снова в эту клинику. Я был напряжен, возбуждён и растерян. Я чувствовал себя идиотом; пару минут, несколько взглядов, и как один из пациентов клиники на героин, я мгновенно подсел на женщину, которая наверняка меня ненавидит.

– Я целый день на ногах, – присев на пустующую лавочку перед цветущей клумбой, произнесла Ника Божич. – Поговорим здесь! – я расположился рядом и она тут же отодвинулась. Я не стал комментировать, хотя осадок остался. Винить Веронику не в чем, сам виноват.

– Артема доставили поздно вечером, – мозгоправ сразу перешла к сути вопроса. – Без сознания. В очень тяжёлом состоянии. Скорую вызвали сотрудники бара, где он отдыхал. Артем был не один, но сопровождающие в больницу не прибыли. В его крови не нашли наркотических веществ. На этот счет можешь не волноваться. Вероятно, причина отравления в контрафактном алкоголе, ну, или слишком большой дозе. – Вероника говорила быстро, по существу, глядя прямо перед собой на засаженную пионами клумбу. А я смотрел на нее неотрывно, как заворожённый. Она нервничала, а я хотел к ней прикоснуться.

За спиной, по какой-то злой иронии, цвел куст жасмина и навязчивый запах его цветков мгновенно пропитал все мои поры, усиливая головокружение.

– Тёма не пьет много лет. Не представляю, что могло произойти. Он мне давно не звонил, – отозвался я, заметив, как над белоснежным воротничком халата на шее девушки быстро запульсировала голубая венка. И кожа у доктора Божич бархатистая, тонкая, словно фарфоровая. Профиль изящный, правильный. Нижняя губа немножко выступает, но это не портит ее. Наоборот, придает чувственности.

Мне снова чертовски захотелось прикурить.

– Завтра ты сможешь забрать Артёма, и он сам расскажет, что он праздновал. Сегодня его лучше не беспокоить, – ответила Вероника нейтральным тоном, упорно не глядя в мою сторону.

– Он под капельницами? – спросил я, наблюдая, как ветер шевелит выбившиеся волоски на висках доктора Божич.

– Да. Ему гораздо лучше. Сейчас он спит.

– Он тебя узнал? – я не мог не задать это вопрос, несмотря на то, что понимал его абсурдность. Тёма не мог не узнать Нику Божич.

– Разумеется, – кивнула она, опустив взгляд на свои пальцы, разглаживающие складки на подоле халата.

– Давно ты здесь работаешь? – немного помолчав, спросил я.

– Это допрос? – она, наконец, посмотрела на меня, раздраженно хмурясь.

– Нет. Я знаю, что ты ушла из универа, после того случая, – я попытался расслабленно улыбнуться. Не вышло. Я заблудился в мшистой темной зелени ее глаз. Увяз, как в колдовском болоте. Все происходило точно так же, как и в прошлый раз. Эта женщина источала какие-то особые флюиды, действующие на меня, как валериана на котов. Мне до боли захотелось облизать ее нижнюю губу. И ту, и другую. Я с трудом удерживал в голове нить разговора и даже забыл о тяге к курению. Она действительно отличный доктор. Избавила от одной зависимости, не моргнув глазом, даже не взглянув, зато наградила другой…. Гораздо более опасной для моего здоровья.

– Доучилась в другом месте. Сомневаешься в моей компетентности? – она неожиданно разозлилась и подозрительно сощурила глаза. – Думаешь, сюда взяли бы непроверенного врача?

Я ничего не ответил, не смог, я не услышал, не понял смысл вопроса. Я смотрел на нее, как истощенный путник на стакан с кристально-чистой водой. Мне нужен был глоток. Всего один. Меня качнуло в ее сторону. Я сам не осознавал, что собирался сделать. Чертов жасмин заполнил все мои рецепторы, я одурел, не иначе. Ника Божич отпрянула, выставив вперед ладонь. Но не дотронулась, а я бы хотел…

– Ты что делаешь? Пьяный что ли? – растерянно спросила она, отдвигаясь еще дальше. Ее пристальный взгляд прошёлся по мне, явно выискивая определенные симптомы.

– Нет. Я за рулем. Голова закружилась, – проговорил через силу и заставил себя отвести взгляд, помассировал виски, прикрыв глаза. – Это все жасмин. У меня на него аллергия, наверное.

– Ты про дерево за лавкой? – сухо уточнила Божич. Снова подумал, какой удивительно-красивый у нее голос. Я кивнул, не открывая глаз.

– Это не жасмин, Кирилл. Белый клематис. Он миндалём пахнет, – ответила Вероника. Я недоверчиво втянул воздух носом и действительно уловил слабый миндальный аромат.

– Странно… – пробормотал я и открыл глаза. – Эй… – вырвалось у меня изумленное восклицание.

Я огляделся по сторонам. Вероника Божич исчезла. Напрасно я всматривался в лица и спины гуляющих пациентов. Она словно сквозь землю провалилась вместе со своими звонкими каблучками. Или у меня снова галлюцинации, причем не только обонятельные, но и зрительные и слуховые? Еще немного и бредить начну. Как бы такими темпами до энуреза не докатиться.

Глава 4

В офисе «Фемиды» царил хаос и суета. Белевская набросилась на меня как только я переступил порог приемной. Атмосфера всеобщей скорби и подавленности била все рекорды.

– Чернов, ты меня с ума сведешь! Я не знала, что думать. Собиралась в полицию звонить! – кинулась ко мне перепуганная Эллочка. От волнения она забыла о субординации и о том, что мы не одни в офисе. Я бросил быстрый взгляд на заплаканную Оксану Мишину, личную помощницу Стаса. Девушка выглядела совершенно расклеенной. Я сочувственно кивнул и Оксана разрыдалась в голос.

– Иди домой, мы справимся. Даю неделю отпуска, – распорядился я.

– Спасибо, – девушка благодарно улыбнулась сквозь слезы и торопливо начала собираться.

– Кирилл Сергеевич, а кто работать будет? – опешила Элла.

– Пойдём, разговор есть, – взяв Белевскую за локоть, я повел ее к кабинету Стаса. Теперь уже бывшему кабинету Стаса. Мы делили его на двоих, когда я появлялся, чтобы решить вопросы, нуждающиеся в моем личном участии.

Я сел за его рабочий стол, Элла разместилась в кресле напротив. Мы какое-то время молчали, задумчиво глядя друг на друга. Она была в шоке. Никогда не видел Белевскую в таком разбитом состоянии.

– Следователь был? – спросил я.

– Был, – кивнула Элла. Открыла папку, которую успела прихватить из приемной и протянула мне. – Повестка тебе! – я взял, взглянул на назначенное время. Через пару часов надо выезжать. – И срочные документы на подпись, – положила папку на край стола, тяжело вздохнула, запустив пальцы в растрёпанные светлые волосы. – Ты, значит, в курсе, что Стас с собой покончил?

– Это следователь так решил? – удивился я, взял телефонную трубку и набрал внутренний номер. – Оксан, ты не ушла еще? Кофе принеси. Мне двойной эспрессо, Элле – латте без сахара.

– Ты думаешь, он случайно выпал? Черт, Кир, где ты был? Я так испугалась, – протянув руку, она схватила мое запястье. Я осторожно высвободился и откинулся на спинку офисного кресла.

– Я дома был, Элл. Напился и уснул. О том, что случилось, от соседей узнал. Я не видел ничего. Понятия не имею, как … – не договорил. В кабинет вошла Оксана с подносом в руках. Расставила напитки на столе и, попрощавшись, удалилась.

– Это какой-то кошмар. Я еще вчера утром с ним общалась. Ты тоже вроде ему звонил? – Элла вопросительно посмотрела на меня.

– Он хотел встретиться, но я так и не дошел.

– А тренировка?

– Проспал, – почти так и было.

– Понятно, – она явно не поверила, но объясняться и оправдываться не было ни малейшего желания.

– Элла, Стас хотел поговорить со мной об Артеме. Ты не знаешь, о чем именно? – спросил я и пристально посмотрел в глаза Эллы.

– Послушай… – она нахмурилась, наверняка собираясь мне соврать. Я поставил кружку на стол и, сложив локти, наклонился вперед.

– Артем в больнице сейчас, – серьезным тоном начал я. – В наркологический клинике под капельницами. Он напился до острого отравления. Это произошло вчера вечером. Артем в завязке семь лет. Ведет примерный образ жизни. Никуда не ходит, кроме редакции своей газетёнки. Скорая забрала его из бара, Элл. Артем не посещает бары. Он ботаник, заполонивший родительскую квартиру цветами в горшках; домосед, шарахающийся от людей. Единственные его друзья – это три ободранных кота и трёхпалая псина, которых он притащил с улицы. Я думаю, что Стас что-то знал, хотя я понятия не имею, откуда и какие у него могли быть дела с моим братом.

– Кир, Стас просил тебя не посвящать. Точнее, это Тёма просил… – начала мямлить сконфуженная Элла. Я изумленно уставился на нее, чувствуя, как задергались желваки на скулах.

– Говори! – стиснув челюсть, приказал я. Белевская снова вцепилась в свои волосы.

– Ты зря Оксану отпустил, она больше знает, – выдохнула Элла.

– Понадобится – верну. Говори, что знаешь ты! – резко бросил я.

– В общем, полгода назад Артем обратился к Стасу. Сделал заказ, но попросил не вводить тебя в курс дела. Я и Оксана присутствовали при разговоре.

– Какой заказ мог сделать мой брат в детективном агентстве? – спросил раздраженно. – Решил найти себе еще пару безногих питомцев?

– Не передергивай, Кир, – поморщившись, попросила Элла. – Артем спросил, работаем ли мы с коллекционерами, предметами искусства, антиквариатом, ну и прочей херней, которую богатеи-эстеты обычно собирают и друг перед другом этим хламом хвастают.

– Работаем, – на автомате подтвердил я.

– Компьютер включи его, – она кивнула на закрытый ноут. Я быстро исполнил.

– Там есть папка на рабочем столе в нижнем правом углу. Так и называется «Артём Чернов», – продолжила инструктировать меня Белевская. Похоже, впервые в жизни мы поменялись местами. Я щёлкнул по озвученному значку пару раз. – А теперь открой графический файл, – снова ударил по клавиатуре. Сердце ухнуло в пятки, когда на весь экран загрузилось разделённое на две половины изображение. Аверс и реверс золотой монеты, точь-в-точь идентичной той, что я нашел на балконе Чупрасова, под его стулом, с которого он сиганул, с высоты двадцать третьего этажа без ведомых на то причин.

– Видишь? – спросила Элла.

– Да. Монета, – глухо отозвался я и меня снова охватило ощущение сюрреалистичности происходящего.

– Да, верно мыслишь. Золотой древнеримский динарий. Профиль императора Тиберия на аверсе, богиня Виктория – на реверсе. Если кратко: датируется 30 годом нашей эры, чеканились в Александрии. В обращении использовались вплоть до средних веков. Артем попросил найти семь таких, которые находились бы в одной коллекции и у одного человека.

– Что за бред? – кровь отлила от лица. Мой мозг отказывался подчиняться и строить какие-то логические схемы. Какой-то балаган безумия.

– Это не бред, Кир, – покачала головой Элла. – Самое интересное, что Стас нашел монеты. Точнее, не он один, – осекалась Белевская и я вопросительно взглянул на нее. Она быстро пояснила. – Пришлось Юматова напрячь с его связями. Оксана лично переписывалась с продавцом. Она у нас полиглот, четыре языка знает, включая французский. В общем, нашли все семь монет в частной коллекции разорившегося французского миллионера Пьера Лорана. Монеты ему

достались по наследству от отца, тому от деда, который выкопал их во дворе дома в Лионе. За время электронного общения Оксана выяснила кое-что странное.

– Что еще может быть более странное? – с сарказмом спросил я.

– До смерти своего отца Пьер был успешным бизнесменом, ворочал миллионами, а когда получил наследство, дела резко пошли на спад; жена умерла, сестра утонула. Короче, он начал распродавать имущество в пользу бедных, заделался в меценаты, ударился в религию. Оксана решила копнуть глубже и узнала, что отца Пьера постигла в свое время похожая участь. У него имелась своя пекарня, которая сгорела дотла, когда тот стал счастливым обладателем золотых монет. Погибли люди. И он тоже собирался сбыть монеты с рук, но не успел. Скоропостижно умер, – Элла сделала непродолжительную паузу. – Какая-то жутковатая история, Кир.

– Проклятое золото римлян, – мрачно выдохнул я. – А если серьёзно, то зачем Артему сдались эти монеты?

– Понятия не имею. Это ты у него спроси, – передернула плечами Элла.

– И сколько стоит коллекция? – ощущая растущее внутри гадостное предчувствие, спросил я.

– Сто пятьдесят тысяч долларов, – озвучила Белевская. У меня дар речи пропал. – Пять Лоран скинул, – решила добить Элла. Я перевел в уме доллары в рубли и мне стало еще хуже. Десять миллионов нашими, деревянными.

– Хочешь сказать, что Тема купил монеты? – недоверчиво уточнил я. Элла утвердительно кивнула.

– Да, купил.

– Ты сейчас шутишь? – резко севшим голосом спросил я.

– Нет, – отрицательно качнула головой Белевская. – Не шучу. Француз выставил счет, Артем оплатил. Монеты должны были доставить со дня на день по адресу

Стаса. Я думаю, что именно об этом Чупрасов хотел тебе сообщить. Может быть, что-то пошло не так….

– То есть ты не в курсе, доставили монеты или нет? – озвучил я возникший вопрос. Элла снова тряхнула головой.

– Так узнай, – рявкнул я и она нервно вздрогнула.

– Я пыталась несколько раз и Оксана тоже. Аккаунт этого Пьера удален, – пропищала испуганным голоском.

– Ты сейчас прикалываешься, да? – я недоверчиво всмотрелся в побледневшее лицо Белевской. Она отвела взгляд, закусила губу.

– Послушай, рано делать выводы. Поговори с Артёмом. Может, монеты уже у него, – осторожно предположила Элла.

– И Чупрасов не удосужился поинтересоваться, откуда мой брат, зарабатывающий копейки в низкопробной газетёнке, нашел десять гребаных миллионов? – зарычал я, отказываясь верить, что люди, которым я доверял, провернули за моей спиной подобную аферу.

Они свихнулись тут все, что ли?

– Кир, я уверена, что Стас его спрашивал, – продолжала мямлить Элла, падая в моих глазах все ниже. – Вы же друзья. Были. И если бы Стас заподозрил что-то неладное, то позвонил бы тебе первому.

– Хочется в это верить, – мрачно отозвался я. Мне жутко захотелось встряхнуть эту идиотку и объяснить, кто главный босс в трех компаниях, со счетов которых ей ежемесячно перечисляют премиальные.

Я, бл*дь, первым должен узнавать, что происходит. Тем более, когда дело касалось моего брата и огромных денег, которых он сроду в руках не держал. Я даже коммуналку до сих пор за родительскую трешку в Чертаново оплачиваю, хотя давно отказался от своей доли в ней.

– Ладно. Завтра выясню у Артёма, что за петух его в темечко плюнул, а потом мы вернёмся к этому разговору. И Юматова напряги. Пусть снова займется Лораном, – приказал я. Если честно я не знал, что мне это даст. В отличие от Белевской, я был уверен, что монеты Чупрасову доставили вовремя. Он видел их, держал в руках. Одна из монет сейчас лежала у меня в спальне в прикроватной тумбочке. Вопрос в том, где остальные? Версия с самоубийством Стаса казалась все сомнительнее. Тем более что в деле появился мотив.

Десять миллионов, семь золотых динариев, незапертая дверь, закатившаяся под стул монета. Никаких следов взлома и борьбы… Спину сковал ледяной озноб. Последний факт говорит о многом. Чупрасов знал убийцу. Но даже если и так… Мужик с его комплекцией и физической подготовкой даже под дулом пистолета не полез бы на стул и не стал прыгать. Он бы боролся до конца. Умер бы с пулей в голове, но не с мозгами на асфальте. И опять же – никаких следов постороннего присутствия в квартире. От разговора со Стасом по телефону и до моего прихода прошло пятнадцать минут. Пельмени свариться не успели. Что могло случиться за это время? Что?

– Ты говорила следователю о монетах?

– Нет, зачем? – удивилась Элла. И резко побледнела, губы дрогнули в нервной улыбке. – Ты же не думаешь, что из-за них могли Стаса…

– Если сообщишь полиции, то под подозрением окажется каждый, кто участвовал в этом деле. Понимаешь? Начнут с Артема. А потом пойдут по всей цепочке. Сумма огромная, Элла. И за меньшее убивают. Кто еще знал, что Стасу должны доставить коллекцию?

– Я уже сказала. Юматов, я, Стас, Оксана и Артем. Никто из них не стал бы…

– Конечно, нет. Но любой из вас мог кому-то проболтаться.

– Я точно не говорила. Да, я и думать забыла про эти монеты. Что теперь делать, Кир?

– Помалкивать и работать, Элл. Иди, трудись, а я тут разберусь, документы подпишу. Потом уеду к следаку и не вернусь сегодня. Промурыжат часа два-три, не меньше, а у меня голова кругом. Все равно ничего не соображаю. Поэтому

давай, приходи в себя. Некогда расслабляться. И с Юматовым меня соедини. Сам с ним поговорю. Еще пришли мне краткий отчёт по «Зевсу» и свяжись с Лихачевой, пусть зайдет через час, ей завтра без меня новый филиал Юпитера открывать. Составишь компанию девушке.

– Терпеть ее не могу, – сморщилась Элла. – Лучше бы меня на ее должность поставил. У нее даже образования нормального нет.

– А ей оно и не нужно, – сухо отрезал я. – Она – бывшая профессиональная спортсменка, в олимпиадах участвовала. У нее связи полезные есть, Элл. А насчет образования. Вспомни, как я юрфак закончил, появлялся там два раза за четыре года. Первый раз документы отнес, второй – диплом забрал.

– Ну, тебе-то точно только бумажка нужна. Голова и без дипломов варит. А Ритка Лихачева – тупая, как пробка, – продолжала плеваться ядом Белевская.

– Хватит, а? – раздраженно посмотрел на девушку. – Завязывай, я это не люблю.

– Что хватит? Думаешь, я не знаю, что она к твоему дому уже дорожку протоптала, еще и своих подружек-потаскух поставляет, – Элла окинула меня злобным взглядом. Вот же сука. Все знает. Где не надо она очень догадливая.

– Где ты опять сплетен наслушалась? – невозмутимо спросил я.

– Вот во время тренировок и наслушалась, Кир. Тебя там часто обсуждают. Открыл себе бордель халявный, да?

– Иди работай, Элла, – приказным тоном буквально послал я Белевскую.

* * *

С Ванькой Юматовом мне поговорить так и не удалось. Выяснилось, что он оформил трехдневную командировку вместе с группой монтажников. Уехал устанавливать систему безопасности в коттедже крупного клиента, в дремучем каком-то поселке подальше от московской суеты. Ванька решил лично проконтролировать. Похвальное рвение. Увидит пропущенный вызов, перезвонит. Устрою ему допрос с пристрастием.

Быстрее и приятнее всего получилось решать вопросы с Маргаритой Лихачевой, исполнительным директором сети фитнесс-центров «Юпитер». Я, кстати, познакомился с ней в спортклубе, в котором сам когда-то занимался. Провели вместе пару горячих часов, но уже за стенами клуба. Потом снова встретились и повторили. Бешеная оказалась девчонка, голодная до секса. Пока мы с ней оттачивали приемы из Камасутры, мне пришла мысль открыть свой фитнес-центр. Когда идея заработала, пригласил Марго, а она привела многочисленных подписчиц из своего инстаграмма, подруг и коллег. Сама Марго уже не выступала на соревнованиях, но, как я и сказал Элле, связи остались. Так что у моего решения назначить Лихачеву заместителем, имелся определённый расчет. К слову, Белевская не зря бесится. С Марго у нас до сих пор иногда случались совместные «тренировки», и вчерашняя красотка без имени действительно подружка Лихачевой. Но только Рита никого мне не поставляет. Тоже бесится от ревности. Они сами приходят, а я не отказываюсь. Только идиот пошлет лесом красавицу с прокаченной фигуркой и тугой задницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/d_aleks/kuda-privodyat-grehi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити